

Письма Беркут (Е. Н. Калайдович) С. Ф. Платонову за 1881—1882 гг.: «...правда одна для нас обоих...»

В. В. Митрофанов

*Университет при Межпарламентской ассамблее Евразийского экономического сообщества,
Санкт-Петербург, Россия. viktor-n1962@mail.ru*

Как и в предыдущих письмах, Е. Н. Беркут касается многих важных тем, затрагивающих как собственные, так и интересы маркиза. Главным же отличием является обилие сообщений о научной жизни. Да это и понятно, ее петербургский друг заканчивает университет. Приведены интересные характеристики ряда знаменитых профессоров, преподававших на Московских высших женских курсах, прежде всего В. И. Герье, В. О. Ключевского. Е. Н. приводит свои впечатления от диспута В. И. Семевского, выступлений официальных оппонентов. До Москвы дошли слухи о предвзятом отношении к диспутанту К. Н. Бестужева-Рюмина, не допустившего защиты в Петербурге. На фоне многочисленных публикаций о М. С. Корелине, который был сокурсником В. Н. Беркута, взгляд на его поведение, оценка лекторских качеств, педагогических взглядов в начальный период формирования его как ученого и преподавателя представляют закономерный интерес. Е. Н. приводит неизвестные сведения о кружке, который оформился вокруг него. Существенно дополняются лапидарные сведения о В. Н., его подготовке к сдаче экзаменов в университете, сбору материалов и хронологии написания кандидатского сочинения, начале профессиональной деятельности, которая складывалась не всегда удачно. Немало сведений получаем о самообразовании самой Е. Н., научных интересах ее мужа, которые она полностью разделяет, увлекаясь серьезными монографическими работами. Среди семейных утрат выделяются смерть отца С. Ф. и сестры Лизы В. Н. Письма наполнены разносторонней информацией об общественной жизни империи, страхе за ее будущее. Плодотворное взаимное влияние С. Ф. и Е. Н. пока продолжается.

Ключевые слова: *С. Ф. Платонов, Е. Н. Беркут, В. Н. Беркут, М. С. Корелин, научная жизнь, самообразование.*

Писем Е. Н. Беркут (Калайдович), написанных с 1 января 1881 г. по 22 декабря 1882 г., насчитывается 27, что свидетельствует о постоянном характере обмена корреспонденцией. При этом задержки, даже длительные, стали нормой с обеих сторон. Как видно из предыдущей публикации писем, Е. Н. уже не оправдывалась за свое молчание [Митрофанов: 2021, с. 137—157]. Но новогодний подарок 1881 г. в виде письма был для С. Ф. Платонова действительно важен, тем более почти после двухмесячного перерыва. И хотя взаимное благотворное влияние продолжается, С. Ф. перестает делать записи об этих отношениях в своем дневнике.

Нам уже известно, что Е. Н. мечтала поступить на Московские высшие женские курсы, поэтому сведения о посещаемых ею занятиях — среди важных новостей. Ценными приобретениями представляются ранее не встречавшиеся характеристики В. И. Герье и В. О. Ключевского, который назван «лучшим профессором»¹. Всего два профессора влекут ее на курсы — В. О. Ключевский и А. И. Чупров. Заметим, что эти отзывы о них дополняют уже данные ее мужем В. Н. Беркутом [Митрофанов:

2019, с. 158—218] и в целом не расходятся с утвердившимися ранее.

Заметим, что научная тематика, которая затрагивает несколько направлений, является главной особенностью этого комплекса писем.

Немало интересных суждений, основанных на наблюдениях при близком общении за поведением М. С. Корелина, его высказываниями, отношением к другим из близкого ему окружения, высказано в письмах. Субъективность все же проскальзывает, когда Е. Н. сравнивает его потенциал со способностями своего мужа. И они не в пользу первого. А вот жена М. С. Корелина, не только нравится Е. Н., она от нее в восторге. Из близких соседей и знакомых составилась не многочисленный кружок (его трудно назвать научным), о котором упоминаний в исследованиях не встречается. Их составляли две четы: Беркутов и Корелиных, будущий академик Р. Ю. Виппер, профессор медицины Н. Н. Баженов и другие, числом всего 15—16 чел. (кто остальные, к сожалению, не названо). Из писем складывается впечатление о двух кружках: первый собирался у Корелиных, именуется «так называемым интеллигентным», второй — у Беркутов. Скорее всего, речь идет об одном и том же кружке, но, вероятно, иногда

¹Выделенные курсивом тексты указывают на публикуемые письма и не оговариваются.

менялся состав. Собирались раз в неделю. Если центром кружка был М. С. Корелин, то ум В. Н. ставил его «высоко над этим кружком». Дух, который был в кружке, не удовлетворял эстетическим, научным и общественным запросам и настроениям Е. Н. Тем более там не было объединяющей идеи, общего интереса, а были все сами по себе.

После публикации дневников и переписки М. С. Корелина с Герье (о кружке там не упоминается) появился ряд работ, где отдельные выводы Д. А. Цыганкова были оспорены. Так произошло с его предположением того, если бы Корелин не ушел из жизни так рано, то «стал бы ведущим профессором кафедры всеобщей истории и... Визитной карточкой стала бы... интеллектуальная история» [Тихонов: 2015, с. 168]. В. В. Тихонов же считает, что этого не произошло бы, так как «Корелин, интересовавшийся историей духовной культуры, явно не вписывался в эпоху и выглядел, скорее, “рыцарем печального образа”» [Тихонов: 2015, с. 168].

Стоит вспомнить, как много лет спустя М. С. Корелин после личной встречи оценивал С. Ф. Платонова: «...Платонов — чистенькая ничтожность, университетский чиновник, но обладает уже свитой: Середонин, Пресняков, Соболевский — тупой нахал» [Тerra Europa...: 2014, с. 355].

Поэтому суждения и наблюдения о человеческих качествах ученого, обосновавшего историко-культурный подход в изучении средневековой истории, не лишены правдоподобности.

Событием в научном мире тогдашней Москвы явилась защита магистерской диссертации В. И. Семевским [Критский: 1969, с. 165—168; Кох: 2001, с. 46—60; Гаврилов: 2008, с. 206—119], опубликованной и отдельной книгой [Семевский: 1881]. Перед нами новые впечатления от защиты из первых рук. Е. Н. присутствовала вместе с мужем (подшел несколько позже начала диспута). Это ранее неизвестное изложение основных положений выступления соискателя является важным аспектом в историографическом плане. Ее мнение ценно еще и потому, что здесь кратко приведены и выступления официальных оппонентов: Н. Попова, В. О. Ключевского, а также А. И. Чупрова и М. М. Троицкого. Отмечено отношение публики, как и Е. Н. к происходящему.

В московских научных кругах была широко известна роль К. Н. Бестужева-Рюмина, который долгое время не пропускал диссертацию В. И. Семевского, и в конечном итоге соискатель вынужден был защищаться в Москве. Этот аспект будет важен, так как после оставления С. Ф. Платонова на кафедре, его московские друзья высказывали беспокойство, как у него сложатся отношения с влиятельным ака-

демиком, к тому же возглавлявшим и кафедрой русской истории.

Проскользнула в одном из писем информация о диспуте Д. И. Иловайского, прошедшем еще в 1870 г., когда была им защищена докторская диссертация «Гродненский сейм 1793 г.» [Иловайский: 1870]. Вспомнили об этом в откровенных разговорах у родственников В. Н. в Твери. Заметим, что еще в 1858 г. Д. И. Иловайский наделал много шума защитой магистерской диссертации на тему «История Рязанского княжества» [Иловайский, 1858], которую решено было бесплатно напечатать. Это обстоятельство указывало на уровень исследования. Официальным оппонентом, как известно, выступал сам С. М. Соловьёв. По своим историческим взглядам Д. И. Иловайский стал виднейшим антинорманистом [Иловайский: 1871] своего времени. Забегая вперед, отметим, что С. Ф. Платонов будет дискутировать с именитым автором учебников для гимназий на страницах публикуемых им рецензий и ответов. Например, в письме от 19 марта 1885 г. Я. Л. Барскову читаем: «А с другой стороны, философские знания и выдержка еще не делают русского историка таковым, если мало знаний о нашем прошлом им усвоено: как философски не переваривайте учебника Иловайского, науки не выйдут» [Академик...: 2003, с. 17].

Следовательно, присутствие на диспутах является важной общественной рефлексией, которая постоянно находит место на страницах публикуемых писем.

Чтение серьезной литературы Е. Н. с мужем продолжают, теперь они увлечены Мотлеем — известным американским историком, автором 3-томной «Истории Нидерландской революции». Заинтересованная молодая женщина, читает, как всегда, осмысленно, глубоко, желая докопаться до сути произведения, как она пишет, «идеи». Привлекает ее книга Гейссера о французской революции. Кроме этого интеллектуального чтения, сохраняется интерес к «Отечественным запискам», романам, в том числе и Золя.

Мартовские события 1881 г., ситуация в столицах, находили отражение в прессе. Поэтому чтение газет стало «насущною потребностью». Своему маркизу Е. Н. сообщает о резонансной отставке С. М. Третьякова с должности московского городского головы.

По-прежнему звучат ноты тревоги за судьбу страны.

Чета Беркут одержима желанием помочь своим друзьям, оказавшимся в тяжелом положении (к мужу переселится «товарищ»). Е. Н. готовит бесплатно учительницу к университетскому экзамену). Эти маленькие штрихи позволяют проникнуть в их духовную сферу, понять общественные идеалы.

Интересные подробности находим о реферате С. Ф. Платонова о тетракситах [Медведев: 2011, с. 393—408]. Кстати, публикуемое неоконченное письмо сыграло свою роль в его судьбе. Стоит напомнить, что это время после убийства Александра II и многие студенты вызывали подозрение у полиции. 23 марта 1881 г. у С. Ф. Платонова дома проводился обыск. Названное письмо находилось на видном месте в конверте. Из его записи в дневнике узнаем: «Околоточный в это время разбирал бумаги и книги на ломберном столе. Я видел, к[а]к он вынул из папки непосланное и неоконченное письмо к маркизе, где я пишу с юмором о тетракситах и о сплетне Алмазова. Юмористически пишу я о научных и об иных делах очень часто. Околоточный занялся чтением и ничего, должно быть, не понимал»¹. Это единственное упоминание Е. Н. в дневниковых записях за этот год.

Письма позволяют проследить возрастающий интерес С. Ф. Платонова к научным проблемам. Об этом свидетельствует и вопрос об авторстве статьи в «Историческом вестнике» [Корелин: 1880, с. 353—371], и просьба к В. Н. приобрести статьи И. Д. Беляева.

Эта тема развивается и в ответах Е. Н., когда она в письме от 12 июня 1881 г. дает важный совет о дальнейшем выборе профессионального пути, высказывает суждения о науке.

Письма Е. Н. — важный источник о научных изысканиях, творческой работе, преподавательской деятельности и В. Н. Беркута. Они имеют непреходящее значение на фоне отрывочных сведений о нем. Он работает в Румянцевском музее, пишет рефераты, готовится к экзаменам. В письме от 21 июля 1881 г. В. Н. в Петербург сообщает, что его привлекает в науке: «Это явление, занимающее меня, — восстания народных масс². Для кандидатского рассуждения я взял древнейший отдел темы, наиболее разработанной и весьма любопытной, “Восстание в Галлии во времена Римской империи”» [Митрофанов: 2019, с. 214].

Здесь следует обратиться к его мнению о том, кто такой «кандидат» после университета, оно заключается в нескольких словах: «Сколько лжи в этом слове!» [Митрофанов: 2019, с. 206—210].

3 октября Е. Н. сообщает, что В. Н. поглощен кандидатским сочинением, которое должно быть окончено к 1 декабря.

Но еще 4 декабря оно было не завершено, поэтому В. Н. «не разгибаясь сидит над сочинением». Как видно, процедура представления кандидатского сочинения прошла успешно, но об этом не сообщается.

После окончания университета он не был оставлен на кафедре и, как видно из его слов, «я даже не понимаю, как об этом можно горевать» [Митрофанов: 2019, с. 210].

Получил место В. Н. в училище К. П. Воскресенского — известного российского педагога. Учебное заведение было одним из самых престижных в Москве, в отличие от гимназической программы особое внимание уделялось математике, физике и химии. Этот факт уже известен. О начале педагогической деятельности В. Н. Беркута и его однокурсниках узнаём из письма его близкого университетского друга М. С. Корелина. Так, 27 июля 1881 г. он общал своему учителю В. И. Герье: «Может быть, Вам будет интересно узнать судьбу Ваших учеников нынешнего и отчасти прошлого выпуска. Беркут получил место в частной гимназии Воскресенского...» [Цыганков: 2009, с. 306]. В данном случае допущена неточность: правильно — училище.

Становятся известны его педагогические взгляды, подходы к учащимся, роли педагога. Они противопоставляются убеждениям Корелина. Вскоре получает и лекции по истории искусства в Московской консерватории, о чем с восхищением пишет Е. Н. в феврале 1882 г., называя событие «*крупной новостью*». В юбилейном сборнике упоминается имя Беркута, который читал два курса: история всеобщей литературы и историю театра [Первое двадцатипятилетие...: 1891, с. 6].

Этот поворот в карьере позволяет Е. Н. строить планы, в том числе она решается писать о кафедре в Московском университете. Однако лекциями, которые были далеки от его профессиональной подготовки историка зарубежных стран, В. Н. тяготился, тем более что болезнь летом не позволила подготовить полноценный курс, и он оставляет известное заведение. Премником его становится М. С. Корелин (1882—1885), после чего отправится в заграничную командировку.

А В. Н. ищет уроки, чтобы обеспечивать семью. Среди новых тем в письмах Е. Н. появляется бытовая, семейная. Она связана прежде всего с замечательным сыном и материальным обеспечением («*финансовый кризис*» — такой неприятный момент проскальзывает в одном из писем), тревогой за мужа, его здоровье на фоне нагрузок и утомляемости, вызванной напряженной работой и поиском места работы. Ситуация была трудной, добавляются еще переезды, устройство на новом месте. Но при всех нюансах в доме имеются прислуга, няня. Но постоянная нехватка средств вынуждает Е. Н. искать литературную (переводную) работу.

Следовательно, у Беркутов, кроме семейного счастья, основанного на общих интересах и сходном мировоззрении, не всегда шло все гладко.

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 1. Д. 1221. Л. 15.

² Подчеркнуто в ркп.

В 1882 г. лето предполагают проводить не в Симонове, таком родном, а наняли дачу в Константиновском. Это результат трудных отношений Е. Н. с матерью. Последняя, напомним, также Евгения Николаевна Миткова (по второму мужу), перенесла свои нестабильные отношения с дочерью на зятя.

И не только. По-прежнему немало места уделяется происходящим изменениям с сестрой Соней. Желание матери сделать ей желаемую партию в конечном счете приводит к расстройству намеченной свадьбы. И здесь вторая дочь проявляет свой гонор, характер (в предыдущих публикациях об этом много было сказано) и делает выбор сама. И это благоговорно сказало на ее преображении, которое, к счастью Е. Н., делает Соню прежней, «харинской». Это обстоятельство сразу способствовало возвращению родных, дружеских отношений между ними. И в круг Беркутов гармонично вливается муж Сони — Вильковский Александр Николаевич. Идя наперекор властной матери, Соня выносит оскорбления, но не отступает и делает выбор своей судьбы по любви. Борьба истощила силы бедной девушки, она была доведена до стресса, чуть ли не до нервного расстройства. А на второго зятя выливаются ушаты грязи. Таким образом, Е. Н. Миткова пошла на разрыв с семьями дочерей.

Среди хлопот и неурядиц Беркуты поехали в Тверь к родственникам. Где откровенные разговоры с дядей Павловым оживили в их умах мысли о zemствах, от работы в которых «можно многого ждать». Конкретные дела земских учреждений создавали иллюзию, что в них «будущность России».

Период, в который были написаны письма, отмечен большими утратами. Болезнь и последовавшая за этим смерть отца Сергея Федоровича объясняют его продолжительное молчание осенью 1881 г. В Москве после похорон произошла его мимолетная встреча с Беркутами.

Тяжелая утрата была и в семье Беркутов — умерла сестра В. Н. Лиза. Это горе, как надеялся он, приведет к более теплым отношениям с отцом и матерью. К большому разочарованию, этого не произошло. Вечная проблема «отцов и детей» только родных была существенным препятствием к полноценным семейным отношениям.

Среди печальных новостей сообщается о смерти Н. Г. Рубинштейна.

Дружеская встреча Беркутов и С. Ф. произошла летом 1882 г. Следующее письмо Е. Н. было написано только 10 октября. А совместное письмо Беркутов от 29 ноября будет последним для В. Н., активная фаза его переписки закончилась. Много лет спустя, в 1903 и 1906 гг., и то по одному будут официальные, без намека на большую студенческую дружбу.

Развязка отношений с Е. Н. будет предметом писем последних лет, которые будут предложены к публикации в следующем номере.

Лица, упоминавшиеся в предыдущих публикациях, в настоящей не комментируются. Авторские подчеркивания приведены в тексте и отдельно не оговариваются. Нумерация публикуемых писем продолжает переписку, представленную в предыдущем номере данного издания.

Письма Е. Н. Калайдович (Беркут) С. Ф. Платонову за 1879—1880 гг.

(отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2275. Л. 4—55 об.; Д. 2276. Л. 1—8)

№ 64

Помета Платонова: // л. 4 «Получ[ено] 1 января [18]81 г.»

Пожалуйста, не думайте, что я вас забыла, напротив, я так не забыла вас, что даже написала вам месяц тому назад такое сердитое, бранное письмо, какого вы, вероятно, давно уже ни от кого не получали. Но когда я это письмо прочитала мужу, то он посоветовал мне не посылать его, что я и сделала и о чем очень сожалею теперь, потому что уверена, что никакая брань нас все-таки поссорить не может, а по крайней мере ваше объяснение пришло бы раньше и я мож[ет] б[ыть] написала бы вам еще до праздников. // л. 4 об. Вот в чем дело: рассердилась я на вас, потому что Алмазов сказал мне глупость;

не думайте, что тут мало связи, напротив, Алм[азов] начал толковать мне о Сониных чувствах к Терехову, и когда я его остановила замечанием, что он подобного даже и знать не может, он мне ответил, что все это сообщили ему вы и неоднократно¹ об этом с ним беседовали. Тут я ужасно рассердилась, не на него, конечно, а на вас. Можно ли говорить с подобным субъектом о чувствах молодой девушки, чувствах и вам совершенно неизвестных и во всяком случае настолько личных и никого не касающихся, что говорить о них // л. 5 более чем бесполезно. Ну не стану больше говорить, потому что чувствую, что сейчас начну браниться, так меня это все еще сердит и возмущает.

¹ Здесь и далее неоговоренные подчеркивания в ркп.

Лучше расскажу вам о наших курсах¹: кое-чему научиться можно там, далеко не так многому, как я себе прежде воображала.

Герье² читает у нас сухо, дельно и очень содержательно, но с необыкновенно скучной дикцией и манерой изложения. Семинарии у него могли бы быть очень полезны, но благодаря его привычке мять и разжевывать всякий вопрос, к[ото]рый ему вздумается, а другие менее привлекательные для него, но не менее интересные, оставлять совершенно в стороне. // л. 5 об. Он иногда через чур придирчив, иногда относится чрезвычайно небрежно и занимается пустяками. Он долго разбирает чужие рефераты, работа это совершенно не производительная и скучная, на которую у нас ушло много времени, и не вынесли мы из нее ничего. Лучший у нас профессор — это Ключевский, слушать его составляет необыкновенное наслаждение и не смотря на серьезность и содержательность его лекций, эти два часа пролетают как минута. Мне его курс нравится гораздо больше Бестужевского, он, правда, менее блестящ, в нем меньше смелых обобщений, но по научности и содержанию больше. В следующий раз буду продолжать, а теперь пока прощайте. Желаю вам в Новом году нового счастья. Маркиза.

№ 65

// л. 6. 3 января 1881 г.

Вы ничего не говорили Алм[азову], ну и прекрасно, я очень рада и не сержусь на вас. Чего вы на меня взъелись? И изругать вас нельзя, вы сейчас протестуете, что это за безобразие. Ну и цапнула, теперь не стану еще цапать, поглажу по головке, будьте довольны и целуйте руки. Так. Und somit³. Я рада, что вы мне скоро ответили, поэтому и я тотчас же пишу вам, а то я намерена засесть за реферат и тогда скоро письма не ждите, да и кроме реферата у меня куча дела. Праздники провели хорошо, не особенно весело, но и не скучно. Очень приятно было // л. 6 об. вчера у Корелиных, у них, впрочем, всегда весело. 12-е число я намерена праздновать с женой Корелина, между тем, к[а]к мужья наши пойдут кутить в Эрмитаж⁴. Мне очень хочется посмотреть каков

¹ Московские высшие женские курсы (МВЖК) — высшее учебное заведение для женщин в России. Существовали с 1872 по 1918 г. (с перерывом в 1888—1900 гг.), после чего были преобразованы во 2-й МГУ.

² Герье Владимир Иванович (1837—1919) — русский историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской АН (1902), профессор всеобщей истории Московского университета (1868—1904).

³ И, таким образом. — нем.

⁴ Ресторан «Эрмитаж» или «Эрмитаж Оливье» — революционный ресторан в Москве, работавший под руководством Люсьена Оливье, известного московского повара, создателя знаменитого салата оливье, который, по некоторым сведениям, был изобретен здесь же.

Мика в пьяном виде. Я поручила тете взять у вас Ключевского⁵, ведь он вам более не нужен, а у меня его просят, да и мне надо кое-что посмотреть у него. Это последнее время я ничего не делала по науке и поэтому не могу всем ничего сообщить из моих впечатлений по этой части и моей умственной жизни. Все наши // л. 7 разговоры более всего относились к студенческой истории и различным протестам студентов. Толков у нас было без конца и, наконец, все это мне немного надоело.

Вы спрашиваете Корелина ли статья в Истор[ическом] Вест[нике]; его самого и к[а]к он и его жена, говорят, наипрескучнейшая. Знаете, что я вам скажу? Ваши тетракситы представляются мне совсем черными, худыми, обросшими шерстью и с рогами, и с хвостами⁶. Не объясните ли вы мне от-

⁵ Речь идет о литографическом курсе лекций, которые оказались у Платонова. Начало этого эпизода — в предыдущей публикации.

⁶ «6 Января 1881 г.

Тетракситы, неопенимая маркиза, не были особенно близки к типу людских предков-орангутангов. Надо с уверенностью полагать, что они были лишены шерсти, хвоста и прочих неофициозных атрибутов, несовершенные остатки которых присущи еще нам, культурным потомкам четвероногих. Тетракситы были готы, то есть германцы, и таким образом принадлежали к способнейшему племени мира. Вместе с другими готами жили они у Черного моря, немилосердно грабили Византийские владения в М. Азии, приплывая туда на ладьях и забираясь даже вглубь М[алой] Азии. В III в. по Р[ождеству] Х[ристову] хлынула из Азии свирепая волна гуннов, ударила на готов, прогнала их за Дунай и разлилась по южно-русским степям. Но здесь удержалось и малое количество готов: одни в крымских городах, другие, по мнению, Брауна и нашего Васильевского, около Анапы, а по-моему мнению, на Тмутаракани. Это то и есть тетракситы. Те же готы (жившие в Крыму) зовутся Крымскими Готами. Тетракситы, жившие на Тамани (те-тра-кситы или Тме-тра-кситы-Тмутра-кань) были христиане, умели заниматься политикой, храбро сражались, но их было очень мало (тысяч 20) и они вымерли мало-по-малу, или, смешавшись с соседями, расплылись в их массе. Я понимаю, что Вы их представляли себе каннибалами. Когда знакомые, узнав, что я пишу реферат расспрашивали меня о его результатах, о том, как я его защищал, и узнавали о его содержании, то все физиономии вытягивались: о тетракситах никто слыхом не слышал. А те народы, к[ото]рые нам неизвестны, легко представляются дикими, ибо все культурные племена нам более или менее известны. Сделав это скучное дело, я перехожу к более приятному.

Я должен просить у Вас нижайше прощения за резкий тон моего предыдущего письма. Он, насколько я мог заключить из вашего милого ответа, Вас несколько озадачил. Если б я мог теперь поговорить с Вами, Вы увидели бы что мое мнение об Алмазове переменялось к худшему, и во мне, может быть, не хватило бы теперь настолько добродетели, чтобы нянчиться с ним, как год тому назад. С другой стороны, я презираю совершенно Тер[ехова] и вполне уверен, что этот «профессор» играл «пред молодой девушкой» роль Печерина 70-х годов, а ведь это совершенно гнусно. Теперь я пишу прямо о Тер[ехове] то чего не договаривал. Меня радовало, печеринство пропало даром или почти даром. Неужели с подобным мнением и чувствами я стал бы говорить Алм[азове]

куда у меня взялось такое представление? Мика о них ничего // 7 об. не знает. Ну, однако, прощайте, я очень устала сегодня и пишу вам только потому, что уж очень хотелось помириться. Будьте здоровы и умны, вспоминайте ваших московских друзей. Маркиза.

Р. С. Какая у меня хорошая киса теперь и зовут его Муфтик.

№ 66

// л. 8, 12 марта 1881

Вы, вероятно, давно уже ждете от меня письма, дорогой друг, но на этот раз я и не стану извиняться; не по лени я до сих пор не писала вам. Во-первых, я пролежала очень долго в постели, потом, когда я встала, мне пришлось столько убирать и устраивать, что я решительно не имела времени ни для чтения, ни для переписки. После получения вашего последнего письма, я хотела тотчас ответить вам, но тут захворал Николай, и я возилась с ним. Сегодня весь день он был беспокоен, и я ужасно устала, поэтому для отдыха // л. 8 об. я хочу побеседовать с вами. Прежде всего, поделюсь, что и моему сыну вы будете таким же верным другом, каким были матери. А ведь и вправду друг вы хороший, я вас много раз обижала, нападала на вас, и вы все сносили с кротостью. Спасибо вам. За последний месяц я читала только романы и Отеч[ественные] Зап[иски]. Два романа Золя¹, которые я прочитала в это время, заставили меня изменить мое мнение о нем; по всему, что я слышала о нем и по тем отрывкам, которые прочитала, я судила о нем, как о писателе, исключительно вращающимся // л. 9 в области самых грубых неприличий и поражающим только своей смелостью в наименовании всех вещей своими именами. Но я теперь вижу, что несмотря на грязь, которую выставляет Золя, он вовсе не исключительно грязный писатель; у него есть идея, которую он преследует в своих произведениях и которую нельзя не назвать симпатичною. Хотя иногда от средств, которые он для этого употребляет, делается тошно. Идея Золя — показать насколько общество развратилось во время

о чувствах молодой девушки?! Легко может быть, что говоря с Алм[азовым] о Терехове я вскользь и упомянул о свойствах Терехова: но с совершенно чистым сердцем уверяю Вас, что в моих словах не было ничего противного совести и скромности, ничего такого, чтоб можно было делать заключения о С.Ю. — Про Алм[азова] довелось мне слышать, что он лгун и сплетник, и теперь я верю и тому и другому. Что делать, простите!

(ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1715. Л. 1—2).

¹Золя Э. (1840—1902) — французский писатель, публицист и политический деятель. Один из самых значительных представителей реализма второй половины XIX в. Вождь и теоретик так называемого натуралистического движения в литературе.

царствования Напол[еона] III², ненависть, с к[ото]рою он преследует эту личность и позор, // 9 об. к[ото]рым клеймит буржуазию, заставляют извинить ему кой — какие слишком подробные описания. Нана³ я еще не читала, но непременно прочту. Муж теперь очень занят, пишет рефераты и проводит целые дни в Румянц[евском] музее. Я рада, что он кончает, но, с другой стороны, меня заботит наша будущность. Ну если он не найдет места в Москве. Ему совершенно нельзя ехать в провинцию, его загубит эта болотная жизнь, а с другой стороны, не проживешь одними частными уроками, особенно когда надо воспитывать сына.

№ 67

// л. 10, 14 марта 1881

Я тоже начинаю писать вам письма по несколько дней, все мешает Николай; если же в день выдается часочка два свободных, то я бросаюсь на книги. Без них жить нельзя. События последнего времени т[а]к волнуют и тревожат все общество, что даже самые равнодушные и хладнокровные люди не остаются безучастными, тем более мы с мужем, которые во все не принадлежат к числу таких людей. Газеты теперь сделались насущною потребностью; жаль только, что некоторые из них только возмущают ум и душу всякого честного человека, к[а]к, напр[имер], Моск[овские] Вед[омости]⁴. И невозмутимая аксаковская Русь⁵. Я прихожу // л. 10 об. в нервное состояние, когда читаю статьи подобной той, к[ото]рая вышла в четверг, 12 числа. Какая низость эти недомолвки и намеки! Напишите мне, пожалуйста, пояснее дело Троицкого и Попова⁶ и скажите свое мнение

²Наполеон Бонапарт Шарль Луи (1808—1873) — французский государственный и политический деятель, первый президент Второй Французской республики с 20 декабря 1848 г. по 1 декабря 1852 г., император Второй Империи с 1 декабря 1852 г. по 4 сентября 1870 г. (со 2 сентября 1870 г. по 19 марта 1871 г. находился в плену).

³Речь идет о романе «Нана», опубликованном в 1880 г. Это размышления о морали и о том, на каком она оказалась уровне в ту пору во Франции. Нана — это образ куртизанки для развлечения власть имущих. Девушка становится популярной в этих кругах, хотя сама, казалось бы, не обладала никакими данными для подобного успеха.

⁴«Московские ведомости» — газета в Российской империи, принадлежавшая Московскому университету (формально до 1909 г.). Издавалась в 1756—1917 гг. в Москве. Была создана указом императрицы Елизаветы Петровны (1756) при Московском университете.

⁵Газета «Русь», издавалась в 1880—1886 гг. В 1880 г., после того как министром внутренних дел стал граф М. Т. Лорис-Меликов, И. Аксаков, впервые за 12 лет получил право на собственное издание. Первый номер его еженедельной газеты «Русь» вышел 15 ноября 1880 г. Первоначально она имела 24 страницы, позднее ее объем, формат и структура неоднократно менялись.

⁶Возможно, речь идет о Попове Иване Ивановиче (1862—1942) — русском революционере-народовольце,

о них, меня это очень интересует. Вообще, я желала бы получить от вас более подробные сведения о событиях в петербургском университете. На этот раз я вам дам много поручений и все премудреные, но если вы мне друг, то как же мне не злоупотреблять вашим расположением. Слушайте: во время своего пребывания в Москве мать сделала глупую и возмутительную сцену моему мужу. // л. 11 Я ей не писала до сих пор, напишу сейчас, а вы сходите туда и умно наведите разговор на нас, а главное, на моего мужа. Послушайте, что скажут и напишите мне. Только чур ни слова о том, что я пишу вам длинные письма. Правда я долго была слаба, да и теперь еще не совсем здорова, но все-таки писать могу, но зачем баловать? С особами такого характера нужно твердо и решительно отстаивать свою самостоятельность. В награду за вашу любезность я скажу вам по секрету новость: мы проведем лето в Симонове, в школе; только чур ни слова об этом на Литейной.

А вот и другое поручение: у меня есть дядя в П[етер]Б[урге], хороший человек, // л. 11 об. необыкновенно честный и с такими убеждениями, которыми я могу только сочувствовать. Зовут его Алексей Викторович Гезетти¹, и он живет на Мойке, у Красного моста, дом Кочубея. Желая я знать, как он поживает, насколько его потрясли последние события, а он мне не пишет, хотя я ему писала. Вот к нему вы сходите с моей карточкой, узнайте, здоров ли он и напишите мне. Не бойтесь немного сухого приема, он человек подозрительный; можете ему сказать, что вы мой друг. Но и об этом поручении на Литейной не говорите. Муж не пишет вам, потому что он занят окончанием своих рефератов, на этой неделе у него два, напишет после. Я же прощаюсь с вами, вероятно, напишу скоро опять, если Ника будет здоров. Сегодня я была на панихиде по Рубинштейну², вот потеря! Вы не поверите, к[а]к мне его жалко, вот можно сказать: «умолкли звуки дивных песен,

писателе. В 1879—1882 гг. студент учительского института в Петербурге. Работал учителем. В революционном движении с 1881 г. С 1882 г. член руководства рабочей группы «Народной воли». Участвовал в создании Молодой партии «Народной воли», был член ее ЦК.

¹ Гизетти Алексей Викторович (1850—1914), закончил курс наук СПб Университета в 1872 г. со степенью кандидата. В 1873 г. причислен в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. С 1874 по 1893 г. в отставке. В 1881 г. поступил в Статистическое отделение С.-Пб. Городской Управы. С 1884 по 1892 г. состоял заведующим статистическими работами при Санкт-Петербургской губернской земской управе. Занимался затем теоретически политической экономией и статистикой.

² Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881) — русский пианист-виртуоз и дирижер. Основатель Московской консерватории (соучредитель — князь Николай Петрович Трубецкой) и первый ее директор.

не раздаваться им опять!» Танеев³ совсем убит! Прощайте, Маркиза.

№ 68

Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 12 «11 апр[еля] 1881»

Дорогой Маркиз,

Несмотря на множество дел и хозяйственных хлопот, хочу все-таки поздравить Вас с наступающим праздником⁴ и дать весточку о себе, тем более, что 20-го апр[еля] мне, вероятно, не удастся написать Вам; почему — скажу дальше. Не правда ли, хороший праздник, действительно светлый и радостный. Что лучше жизни, что ужаснее смерти, и как же не радость победы жизни над смертью, возрождение, свет, побирающий тьму? Только христианство, как самая возвышенная из религий, могла // л. 12 об. изобре-сти такое вполне человеческое, высокое торжество, «умерщвление смерти». Как хорошо чувствовать себя человеком, чувствовать в себе или по бьющим пульсе жизни, жить и думать! Не удивляйтесь на мое настроение, оно у меня всегда бывает таким в этот день, я не могу отрешиться от впечатлений детства, да и весна действует очень живительно. Я всегда была эпикурейцем, а после рождения Николая во мне эти наклонности развились еще сильнее, теперь мне жизнь дороже чем когда-либо. Несмотря на гнетущие теперь всю Россию тяжелые впечатления, // л. 13 несмотря на страх за будущее, я в своей личной, эгоистической жизни нахожу столько удовлетворения, что могу так спокойно и радостно встретить весну. Желая и Вам такого светлого счастья как наше, тогда только Вам легко будет жить и работать при всяких обстоятельствах на пользу общества.

Муж от души Вас поздравляет, желает всего хорошего; он искал для Вас ст[атьи] Беляева⁵, но напрасно, поищет еще. Извините его за то, что он не пишет, он уже начал готовиться к экзамену и очень занят.

// л. 13 об. Мой сын дружески жмет Вашу руку и улыбается всем ртом. Мой привет Вашим. Ваш друг Ев. Беркут. 11 апреля. Карандашная помета С. Ф. Платонова: «81».

P.S. В двадцатых числах апреля я с сыном уеду в Симонов, а к мужу переселится на время товарищ, находящийся в таком же положении. Хлопот с уборкой и переездом будет много, вот почему я в эти дни не напишу Вам.

³ Танеев Сергей Иванович (1856—1915) — русский композитор, пианист, педагог, теоретик музыки, музыкально-общественный деятель. Ученик Рубинштейна.

⁴ Речь идет о Пасхе, которая выпадала на 25 апреля.

⁵ Беляев Иван Дмитриевич (1810—1873) — историк, ординарный профессор Императорского Московского университета.

№ 69

// л. 14 Симонов, 16 мая 1881

Сегодня узнала из письма вашей матери к тете, что вы не здоровы и поэтому тотчас же села писать вам. Я собиралась сделать это и раньше, но болезнь помешала мне, сегодня я встала с постели, в которой пролежала два дня. У нас здесь все переболели: началось с бабушки, у нее был легкий дифтерит, и затем у всех в доме стали пухнуть железы и делался жар. Попалась и я. Я до сих пор еще не спокойна на счёт моего сына, до сих пор еще не уверена, что его не заденет. Я переехала сюда давно и хотела написать вам, как только приехали петербургские гости.

// л. 14 об. Уж очень они меня рассердили; да и вы, маркиз, неосторожны: разве можно таким особам говорить о вещах, которые вас очень близко касаются, беспокоят, интересуют вас? Это по меньшей мере неосторожно. Когда они рассказывают про вас, что и как надо понимать, а право досадно слышать, когда говорят про вас так, как будто они ваши задушевные друзья и знают все ваши секреты. Я не хочу сплетничать, но, например, приятно вам знать, что про вас говорят, будто общество оборванцев, голяков вам надоело и вы ищите более порядочного кружка¹.

// л. 15 Вообще они производят нехорошее впечатление, не мать, это уже человек давно определившийся и занявший свое место, а Соня. Что такое теперь она стала? Где ее способности, ее ум, ее простота? Теперь это жеманная, пустая, светская барышня, у которой в голове нет ни одной простой, ясной мысли, которая не сумеет сама решить, куда идти налево или направо, которая не умеет даже никого любить простым, здоровым, настоящим чувством. Ни слова просто, все с ужимкой, умеет себя принарядить бархатцем и дымкой, поет // л. 15 об. романсы и тонкие выводит нотки очень плохо², к военным льнет из патриотизма — словом, да я вижу, что мне писать не нужно, возьмите экземпляр Горе от ума и прочитайте характеристику московской барышни, вот вам и Соня! Маркиз, а ведь мы с вами знали в Харине другую Соню и надеялись, что останется та Соня и вот...

Муж теперь со мною, на завтра уйдет в Москву и вернется 23-го, когда кончатся его экзамены. Вы не говорите, как я буду рада! Пишите мне, если можете, постараюсь аккуратно отвечать вам, а лучше всего приезжайте, приезжайте! Маркиза.

¹ Под этим текстом сделана карандашная помета С. Ф. Платонова: «Когда я был в обществе голяков? Когда я говорил подобное?». Вероятно, эта запись сделана при работе С. Ф. Платонова над своими воспоминаниями, когда он просматривал эти письма.

² Два слова написаны сверху строки.

№ 70

// л. 16 12 июня Карандашная помета «[18]81»

Третьего дня написала я вам письмо, дорогой маркиз, и поехала к Корелиным, намереваясь по дороге опустить его, но по свойственному мне легкомыслию забыла это сделать и сегодня, вернувшись домой, нашла свое письмо к вам в кармане, а ваше на столе, вследствие чего пишу Вам второе письмо. Я не сердилась на вас, а меня очень беспокоило ваше молчание, я боялась не больше, чем Вы, но сама не писала вам, потому что мне пришлось хлопотать и возиться с разной дрянью вроде мебели, посуды, лихорадки, горловой боли и утомления.

// л. 16 об. Теперь я т[а]к себе, но все еще не молодцом, к[а]к была весной; очень нехорошо подействовал на меня в этот раз Симонов, переехав в него я хвораю и даже — это по секрету — хандрю, я не могу даже сказать, что у меня определенная причина хандры, хотя в таких причинах недостатка нет, я просто кисну от малокровия. А настоящие причины-то для хандры вот какие: отсутствие определенного положения в будущем и финансовый кризис. А все-таки я была т[а]к рада, что получила ваше письмо; здесь довольно скучно и я всегда рада-радешенька // л. 17 потолковать с живым человеком. Да, маркиз, вы живой человек и дай Бог, чтобы вы всегда остались таким. Не закапывайтесь вы очень в эту науку. Вот я думаю, вы глаза открыли, прочитав эту фразу: Маркиза все учиться заставляла, а теперь нате-ко, в науку не зарывайтесь. Да, маркиз, в сухую, ученую, схоластическую и археологическую науку. Учитесь к[а]к можно больше и собирайте сведения, но не разбрасывайтесь на мелочи, не сидите над микроскопическими задачами. Вы не только кропотливую работу можете исполнять, вы можете // л. 17 об, и обобщения делать, а ведь без них не проживешь. Вы поймете теперь, что я советую вам идти в Археол[огический] Инстит[ут], но не делаться настоящим завзятым археологом и историком-анатомом, работающим с лупой. Нельзя не избрать себе специальности, но, занимаясь ею, нельзя упускать из виду самого главного и важного в человеческой жизни и потому в истории общего течения событий, влияний их направляющих, последствий, которые они вызывают. А теперь прощайте, очень устала, иду спать. М-ым³ не верю; если б Вы аристократничали, были бы вы мой друг? Николай жмет вашу руку. Посетрима.

³ Митковым.

№ 71

// л. 18, 3 июля 1881

Поздравляю Вас, дорогой Сергей Федорович, с днем Ваших именин. Желая Вам быть таким же счастливым в любви, как Вы счастливы в дружбе; потому что несомненно, что мы, Ваши друзья, любим Вас. Жду Вас с большим нетерпением, хочется повидаться с Вами. Вы хотите знать, как мы проживаем в Симонове; по правде сказать, про наше житье говорить много не приходится. Симоновская жизнь, как и всегда, однообразна и тиха, изредка она прерывается для нас небольшими // л. 18 об. поездками по окрестностям, а теперь вскоре будет разнообразиться поисками квартиры. Читаю я довольно, но все-таки не столько, сколько желала бы. По своему обыкновению даю уроки маленькой девочке, которая живет у нас и юной учительнице, которая готовится к экзамену.

Мы мечтали о более дальних прогулках, но к несчастью ничего подобного нам не удастся. Настроение у нас обоих довольно благодушное, у меня еще менее, чем у Володи, потому // л. 19 что боль в спинной кости действует на мои нервы. Я мало поправилась, но все еще надеюсь на конец лета.

Завтра уезжают Митковы, без них будет свободнее; у нас так мало общего, что разговор между нами очень затруднителен.

В настоящее время мы с Володей увлекаемся историей Нидерланд[ской] Революции¹ Мотлея²; к[а]кое талантливое произведение. Мотлей скорее похож по изложению на француза, чем на англичанина; так оно у него легко, // л. 19 об, блестяще и остроумно. Я в этом году читаю, глав[ным] обр[азом], по Революции вообще и имею, так[им] об[разом], возможность составить себе полную картину этого движения и сравнивать, у какого писателя она лучше написана. Одна я читаю Гейссера³ и лекции Корелина, которые уж кончила. Со временем у него выработается язык и обобщения, но я сомневаюсь, что когда-нибудь он будет талантливым историком.

Ну, до свидания, Николай зовет меня. Володя поздравляет Вас, хотя сам не знает почему, поздравляет с именинами. Он скоро Вам напишет. Посестрима.

¹ Мотлей Джон Лотроп. История Нидерландской революции и основания Республики соединенных провинций / пер. с англ. СПб.: Яковлев, 1865—1871. Т. 1. 1865. 654 с.; Т. 2. 1866. 708 с.; Т. 3. 1871. 540 с.

² Мотлей Джон Лотроп (1814—1877) — американский историк и дипломат.

³ Гейссер Людвиг (1818—1867) — немецкий историк. Вероятно, речь идет о книге (Гейссер Л. История Французской революции: 1789—1799 / пер. с нем. под ред. А. Трачевского. М.: Изд. А. И. Мамонтова. 1870. 459 с.)

№ 72

// л. 20 6 сентября. Карандашная помета: «[18]81 г.»

Вы в праве, дорогой друг, бранить меня, но одного Вы не должны сделать: это разлюбить меня и думать, что я Вас тоже разлюбила. Напротив, я очень часто об Вас думала и все не могла писать: я даже и не помню, когда я писала Вам, а между тем мне много раз хотелось поговорить с Вами. Но увы, теперь мне нечасто приходится делать то, что я хочу. Во-первых, был болен Ника в июле, потом мы, *то есть я*⁴, искали квартиру и, наконец, я ее устраивала; и верите ли, только сегодня я могу сказать, что мы устроились, хотя еще многое надо сделать.

Вы не поверите, как мне хочется и как мне нужно вас видеть, поговорить с Вами; я просто по Вас соскучилась и, Бог весть, что дала бы, чтобы // л. 20 об. Вы сейчас очутились здесь в моем маленьком уютном уголке. Неужели Вы и зимой не приедете? Это ужасно грустно.

Муж мой, как вам известно, получил место учителя в реальном частном училище Воскресенского, но считается на службе и поэтому напялил на себя синий вицмундир. Он очень страстно относится к своему новому делу, увлечен сам и предан ему всей душой; Вы знаете, что если он это полюбит, то уже это крепко и вот он теперь так полюбил своих учеников и свою учительскую деятельность. Мне всегда хорошо бывает слушать, когда он с восхищением рассказывает, как сердечно относятся к нему ученики, как он умеет ладить с ними. Он говорит, что главной целью его будет // л. 21 не сколько сообщение им многих новых сведений (это сумеют сделать многие), сколько постановка учительской личности в их глазах в совершенно новое положение. И я думаю, что это ему непременно удастся. У него ученики непременно будут и учиться хорошо, и разовьются в умственном и даже нравственном отношении. Это не то, что Корелин, тот смотрит на учительство, как на средство зарабатывать деньги и относится к своим армяшкам (он учителем в Лазарев[ском] институте⁵) полупрезрительно, полуравнодушно. Теперь я его узнала короче, очень люблю поболтать с ним, люблю и поговорить с ним, но далеко не так восхищаюсь им к[а]к это делали прежде все его товарищи и в том числе и Мика. Карелин — это⁶

⁴ Текст курсивом вписан сверху строки.

⁵ Лазаревский институт восточных языков (или Московский армянский г. Лазаревых институт) — ранее существовавшее армянское Высшее учебное заведение в Москве, неоднократно менявшее название и статус и вошедшее в 1927 г. в состав Московского института востоковедения.

⁶ Далее *талантливый* зачеркнуто.

// л. 21 об. остроумный¹ публицист и довольно выносивый эгоист в частной жизни. Глубины в нем нет, но зато много ясности и рассудку. Мы с ним зуб за зуб, но он хорошо относится ко мне. Зато жена его — прелесть, с нею я очень дружна и люблю ее сердечно. Она гораздо глубже своего мужа, тоньше и благороднее и, пожалуй, даже умнее его. Теперь они наши близкие соседи и мы очень часто с ними видимся.

Надо Вам приехать в Москву и познакомиться с нашим кружком; много хороших людей Вы бы узнали. Надо непременно чтобы Вы написали мне подробное письмо о себе: мне что-то сдается, что у Вас есть новости, что Вы кое в чем изменились. Пожалуй, Вы завели себе новых друзей и изменяете старым?

// л. 22 Ну к[а]к Вы там хотите, но я никому не уступлю своего места Вашей старшей сестры и друга, место, которое я все-таки по праву занимаю, хотя и подолгу не пишу Вам. Но надеюсь, что теперь у меня восстановится более правильная переписка с Вами, я почти покончила со всеми своими хозяйственными делами и вечера, когда Ника спит, а Мика занимается, будут у меня свободными, за исключением тех дней, когда я буду готовиться к урокам. Уроки эти даровые, но очень приятные: я готовлю симоновскую учительницу к университетскому экзамену; она бедная девушка и ей нужен диплом домашней учительницы, тот, к[ото]рый у нее есть, дает ей мало прав, вот мы и занимаемся вместе.

// л. 22 об. Митковы опять за границей. Вы не поверите, к[а]к я была рада, когда они уехали из Симонова; уж очень тяжело с ними жить. Мне т[а]к больно смотреть на Соню. Мика этого не понимает; он говорит, что она ничего не обещала в будущем и осталась тем, чем всегда была, но Вы, маркиз, меня поймите: Вы помните харинскую Соню, разве это теперешняя Софья Юрьевна?

На курсы я, вероятно, не поступлю, во-первых, дорого, а во-вторых, много времени отнимает ходьба, мы далеко живем, часа три в день я могу заниматься, но мне удобнее дома. Что делать? Очень бы хотела слушать Ключевского, он да Чупров только и влекут меня на курсы.

Но, до свидания, голубчик, пишите мне поскорее, и я буду Вам писать много, много, а теперь очень устала, много было дела сегодня. Посестрима.

Наш адрес: Арбат, Денежный переул., дом Грачевой².

№ 73

// л. 23 Арбат. Денежный переул. дом Грачевой
3 октября 1881

Не знаю, чем объяснить себе Ваше долгое молчание, дорогой маркиз. Сначала я думала, что Вы на меня сердитесь, но если Вы получили мое письмо, то, конечно, знаете по каким уважительным причинам я Вам не писала и, следовательно, сердиться на меня не можете. Уж не больны ли Вы? В таком случае попросите Вашу мамашу известить нас о Вашем здоровье; а мож[ет] б[ы]ть и хуже того, Вы влюблены и теперь блаженствуете? В таком случае я вполне извиняю Ваше молчание потому, что по опыту знаю, что в этом состоянии никому писать не хочется. Но если Вам нехорошо живется, неужели Вы не вспомните о Ваших московских друзьях. Да, мы были виноваты // л. 23 об. перед Вами, долго не писали, но у нас было дел т[а]к много, что мы рады были, когда вечером можно было пораньше лечь спать; к тому же нередко приходилось быть очень озабоченными, а в это время не пишется. Теперь мы устроились; я Вам писала недели три с половиной или три назад, извещая о нашем переезде, извиняясь и описывая все происшедшее с нами в тот долгий срок, но ничего не получала от Вас.

Мика тоже начал тревожиться, но, конечно, скоро он не соберется вам писать, у него теперь кандидатское сочинение на шее. Устроился он так: служит в Реал[ьном] учил[ище] Воскресенского (это частное училище с правами казенного) и имеет еще кое-какие уроки. Все утро у него занято, вернувшись к обеду он бывает всегда зол и утомлен ужасно; после обеда часок отдыхает за газетой, пот[ом] садится за книги и до поздней ночи. А мы часто встаем в 7 часов. На здоровье его несомненно действует это, он // л. 24 очень похудел и мне очень не хочется, чтоб он брал еще уроки, я же усиленно хлопочу об этом. Как не дорог мне мой сын, но часа на два-три раза в неделю я могу оставлять его. По вечерам мы часто ходим к Корелиным, а раз в неделю собираемся у нас. Кое-кого вы знаете: Корелины, Виппер³ — вот наши постоянные посетители, к ним надо еще причислить Баженова⁴, юного врача-психиатра, пользующегося моим особым расположением. Это очень умный человек с хорошими способностями, много читавший, но совершенно не способный быть доктором, во-первых, по своему первому и впечатлительному

³ Виппер Роберт Юрьевич (Георгиевич) (1859—1954) — русский и советский историк, действительный член АН СССР с 27 сентября 1943 г. по Отделению истории и философии (история).

⁴ Баженов Николай Николаевич (1857—1923) — русский психиатр, доктор медицины (1894), профессор (1900), организатор системы психиатрического патронажа.

¹ Слово вписано сверху строки, над зачеркнутым.

² Доходный дом Грачёвой — здание в центре Москвы, на пересечении улицы Петровки и Столешникова переулочка. Построен по заказу Александры Степановны Грачёвой

темпераменту и во-вторых, по неспособности специализироваться. Он страстный поклонник женщин, идеализирует их, завидует всем женатым людям, но сильно восстает против женского медицинского образования. Вообще он как-то туманно представляет себе обязанности и положения женщин в обществе. Говорит ужасно дурно т[а]к, что // л. 24 об. понять его трудно. Но человек вообще хороший; ему я отчасти обязана тем, что вышла за Мику: он ему помог выхлопотать бумагу¹. Кружок наш мало-помалу составляется и жаль только, что вас нет в нем. А Вы не поверите, как мне иногда хочется Вашего общества. Я понемногу занимаюсь, на много не хватает времени; у меня взрослая ученица, к[ото]рую я готовлю к экзамену. Очень довольна этой работой, по кр[айней] м[ере] сама прочитаю много полезного.

Мальчик у меня хороший, в отца; теперь не здоров, ему привили оспу, и он все плачет. Да еще меня сокрушает отсутствие зубов. Но для Вас это, конечно, не понятно, в этом случае меня могут понять только матери. А надо бы Вам посмотреть на Вашего друга. Вы бы мне сказали насколько я отстала, опустилась и изменилась, самой не т[а]к видно; Мика ко мне привык, а Вы не обманите. Пишите, голубчик, хоть слова два, мы беспокоимся о Вас. Мика Вас целует, Ника жмет Вашу руку. Маркиза.

№ 74

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 25
«октябрь 1881 г.»*

Дорогой маркиз, вчера пришло ваше письмо и не смотря на то, что я с четырех часов ночи и целый день возилась с сыном, я хотела отвечать вам немедленно. Но усталость взяла свое и просто против воли заснула.

Ваше письмо меня глубоко тронуло; но я снова вхожу в свою старую роль ворчуньи и поэтому с самого начала стану бранить вас. С чего вам на ум вспало², что наши отношения изменились? Да нисколько: и лучшим доказательством этого служат мои два последние письма. А переписка приняла фактический характер, это понятно, маркиз: я отстала, я опустилась. Иной раз так одолеют тебя мелочи и дрязги житейские, что только и ждешь отдыха или развлечения, то есть общества. Нет в голове ни мыслей, ни охоты думать; все уходит в глубину души, а на поверхности // л. 25 об. остается одна насущная забота. И не потому я не делилась своей душевной жизнью, что не хотела говорить с вами по-старому, а потому что все это замерло, спряталось. Все последнее время

я была поглощена сыном и хозяйственными работами и действительно с горем стала замечать, что я отстаю, что у меня уже менее умственных интересов, чем были прежде: я бывала счастлива, когда у меня ребенок был здоров и я не принуждена была возиться в кухне; тогда я брала книгу и читала насколько это было возможно. К вам, маркиз, я всегда неизменно, неуклонно относилась по-старому, а материалу не было для более глубокой переписки. Вот и все. А вы сейчас: «остался один обряд, дружба кончилась» ..., давно я вас не бранила, вот что. Могу ли я разлюбить вас или измениться к вам? Неужели вы думаете, что у меня так легко изглаживается из понятия пережитое?

// л. 26 Теперь об вас: у вас нет друзей, вы одиноки, нет любви. Про первое скажу — грустно, а про второе — вспомните стих Мосолова: Она придет, она придет! Придет и кончатся ваши искания, ваша тоска, ваше недовольство жизнью, вы войдете в колею и успокоитесь, как сделали мы с мужем.

Прекрасно, что у вас есть научные интересы, конечно, было бы лучше, если бы у вас, как у нас был кружок, но что же делать: наша переписка не заменит вам живого слова, а затем будем надеяться.

Сойтись с Алешей Гизетти трудно; его жизнь уже порядком помяла, и он совсем ушел в скорлупку. А человек он хороший, немного односторонний, но это неизбежно в нашем современном обществе. У нас слишком обострены отношения, борьба идет слишком запальчиво, чтобы можно было хладнокровно и беспристрастно относиться к окружающим явлениям. А жизнь вообще складывается не так, // л. 26 об, как желалось бы. Зато же приходится тратить столько времени, сил на непроизводительную, нередко и в большинстве случаев скучную работу. Положение людей небогатых в этом случае очень тяжело; очень часто это люди интеллигентные, имеющие еще другие интересы, кроме «шкурных» (читали Щедрина?) и вот эти-то шкуры отнимают огромное количество времени. Мы поставлены в такое положение, что, имея прислугу, должны непременно постоянно следить за нею, если хочешь, чтобы все исполнялось порядочно. Хорошо будет, когда забота о материальном благосостоянии отойдет от частных лиц и всем будет тепло, сыто и покойно, а заботы будут только другого рода.

Мальчишка отнимает у меня много времени, да и хочется возиться с ним, очень он мил (конечно, это пристрастие матери), а потом хочется вырастить его здоровым, чтобы он человеком был.

// л. 27 Володя вам не пишет и вряд ли напишет скоро; он завален делом. Теперь спешит окончить свое сочинение к 1-му декабря, а потом уже начнет

¹ Речь об этом в предыдущей публикации.

² Вспать на ум (устар.) — возникать, появляться в сознании кого-либо.

работать и для себя, то есть заниматься наукой. Конечно, и его дело поставлено не так как было бы желательно; он учит хорошо, ученики его любят, уважают, но все-таки отношения его к ним не таковы, какими бы могли быть при других условиях. Учителство — все-таки хлебная работа, а это очень грустно. Затем ему мало приходится читать, мало следить за всем новым, что появляется в литературе, у него отчасти тоже шкурные интересы, хотя, конечно, есть и другие. Во всяком случае он выделяется даже из своего кружка своим честным и искренним отношением к делу, любовью к нему, теплотой, которую он // л. 27 об. вносит в свои отношения к ученикам. От него не услышишь, например, как от Корелина: «Мне жалованье платят, ну я и учу дураков!» Корелин за последнее время дал много о себе думать и принял профессорский тон, что его портит. А жена его прелесть.

Сейчас пойду к ним. Мика уже ушел, а я сказала, что не пойду, чтобы он меня не ждал, хотелось поболтать с вами.

Вот еще просьба: будете у Митковых, посмотрите там г. Стремоухова, эта фигура меня интересует. Я вам все поручения даю, не беда, свои люди, сочтемся. Что ваш отец, отчего не сообщаете мне ничего о ваших семейных делах. До скорого письма, впрочем, напишу, когда будет можно. Посестрима.

P.S. А что это позволения спросить, кто единственный с кем вы делитесь мыслями?

№ 76

Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 28 «4-ХI-81»

Что с вами сделалось, дорогой маркиз? Отчего вы вдруг замолчали? А хорошо бы теперь получить одно из ваших душевных писем. Надеюсь, что молчание ваше не обусловлено ничем грустным для вас и стало быть и для меня, а просто произошло по недостатку времени.

Я хотела писать вам в субботу, оттого то уж очень горько было у меня на душе.

От вас я скрывать не стану того, что у меня наболело на сердце — и вы лучше всякого другого должны понять все, что происходит в душе человека, который с болью отрывает от сердца многолетнюю приросшую к нему и наболевшую привязанность. Друг мой, последний приезд Митковых // л. 28 об. в Москву (они приезжали на свадьбу Поповой и уехали вчера) окончательно разбил все мои надежды на возможность когда-нибудь хороших отношений между мной и Соней. Вам хорошо известно мое отношение к ней, оно почти не изменилось, только у меня болело сердце при виде того, как ее затяги-

вает светский омут. В течение лета нам не пришлось с нею беседовать, я видела, что она чуждалась меня и тоже не выходила из своей скорлупки. Теперь я узнала, что она почти невеста (это секрет) и, конечно, от всего сердца пожелала ей счастья, с самым искренним горячим сочувствием отнеслась к ее радости. И что же, маркиз, я увидела: я увидела, что ко мне относятся недоверчиво, чуть не враждебно и всею душою подчинились влиянию матери, которая, конечно, постаралась всячески удалить сестру от меня и добилась.

// л. 29 Но мне даже бы отдаление Сони не было бы настолько больно, если б я видела в ней остатки прежней милой, харинской Сони. Что же случилось с нею? Теперь светская девушка, манерная, жеманная, гонорная, у которой на всякий случай есть шаблонные, заученные манеры; в ней не видно ни интереса к чему-нибудь, ни внимания к кому-нибудь из окружающих ее. Она резка невыносимо, говорит гордо, свысока и всякую попытку по дружескую беседу, то есть по ее на фамильярность обрезывает сразу и немилосердно.

Я даже не вижу в ней настоящей свежей, здоровой любви к избранному ею человеку, это такое исключенное, замученное различными формами чувства, что до него и не доберешься. Не знаю, что он за человек, но я бы не довольствовалась тою любовью, которую дает ему Соню.

И вот маркиз, мне больно, больно, как давно не было // л. 29 об. и я пишу к вам, как близкому и дорогому другу, который поймет меня. Скажите, неужели и мы с вами когда-нибудь разойдемся? О, это было бы слишком тяжело.

Последнее время мы жили хорошо, довольно покойно, материальное положение наше немного улучшилось, и Николай был здоров, но на беду он сегодня заболел, вследствие чего я осталась дома и могу писать вам. Вы не поверите, как мучительно для меня время, когда Ника хворает; точно свинец какой-то лежит на плечах, и сердце так щемит. А какой милый мальчик он стал, просто прелесть. Если бы был случай, я послала бы вам его портрет.

Да еще гнетут меня хозяйственные дрязги, о, это такое мученье эти дрязги, сколько времени и здоровья они отнимают и что грустнее всего- безуспешно.

// л. 30 Наши симоновские здоровы, тётя погружена в хлопоты о школе и это дело у них идет прелестно. В учительницы к нам попал милый народ, с которым приятно и поболтать, и побеседовать. Вот вам еще новость. Алмазов исправляется, нашел себе неважное, но все-таки дело, зарабатывает себе деньги, оделся с ног до головы и подает надежды на более порядочное будущее.

Теперь о нашем кружке. Как и всякий кружок это дрянь, это как говорит Пигасов¹. Я не шучу, а совершенно искренне говорю это. У Корелиных и отчасти у нас собираются все одни и те же лица (хотя у нас много знакомых со стороны) и Боже мой какая односторонность, какая узость, какое неподвижное сиденье в маленькой загородочке // л. 30 об. без всякого интереса узнать, что делается за этой загородочкой. Это совершенно невыносимо! Центром кружка является Мих. Сер. Корелин; светило, каким он себя считает и каким прославили его товарищи; он интересуется своими лекциями, своими уроками, университетскими интригами и сплетнями, и новыми учеными книжками. Все члены этого кружка интересуются кто чем: доктор — больными, учитель- учениками и все понемногу газетами и литературой. Ну разве это не узость? Ни общечеловеческих, куда! Ни общественных интересов, ни свободного взгляда на вещи. Все подгоняются направлению кружка, крепко держаться своих и горе чужим. Мы с мужем сошлись с кружком, находим в нем кое-что приятное, к нам относятся хорошо, но мы сами начинаем смотреть // л. 31 трезвее и поэтому всеми силами стараемся собирать у себя общество, а не кружок. Мой взгляд на Корелина не изменился, а только выяснился и образ его стал определеннее и резче. Я с самого начала нашего знакомства сказала, что это Разуваев² в науке — и не ошиблась. Ученым он никогда не будет, а публицистом он мог бы быть при условии некоторого таланта.

Высоко над этим кружком стоит мой муж, человек действительно способный работать серьезно, относиться к делу с любовью и настолько удаленный от самохвальства, что это становится даже недостатком. Ему надо более самоуверенности, а то обидно даже видеть, как Корелин, к[ото]рый нередко знает гораздо менее его, может взять верх своим нахальством.

// л. 31 об. Теперь о делах: нет ли у вас знакомых в редакции какого-нибудь журнала, очень бы мне хотелось получить литературную, то есть переводную работу, а не знаю к кому обратиться. Если найдете, дайте знать.

Пожалуйста, напишите поскорей, дорогой маркиз, хоть слова два. Что ваш отец, ваша мать. Володя вас обнимает, не браните его за лень, он кончает кандидатское сочинение. Господь с вами. Маркиза. 4 ноября 1881 г.

¹ Герой романа И. С. Тургенева «Рудин», эпизодическое лицо, скептик и человеконенавистник. Далее идет фраза неразборчиво

² У Салтыкова-Щедрина символический герой кулака-миродея в романе «Господа Головлевы».

№ 77

// л. 32 Послушайте, маркиз, отвечайте мне хоть словом. Меня беспокоит Ваше молчание или Вы не получали моих двух последних писем?

Здоровы ли Вы? Не сердитесь ли? Уж не влюблены ли Вы и блаженствуете? Но если даже и так, надеюсь, что любовь Ваша не мешает Вам написать мне хоть два слова. Буду ждать, Евгения Беркут.

15 ноября 1881.

№ 78

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 33
28-XI-[18]81*

16-17-00 XI-1881 в г. Москве мы хоронили отца

Хороший друг мой, как грустно, что Вы так мало побывали с нами и я не успела хорошенько наговориться с Вами и высказать Вам многое, многое, что накопилось на душе. Но обо мне позже, прежде о Вас.

Как Вы доехали? Здорова ли Ваша мать и Вы сами? Что Ваше настроение улучшилось и вообще, как идут Ваши дела. На днях я писала матери и должна признаться, что малость покривила душой в этом письме, но это ничего, все на пользу. Когда Вам будет нужно, идите к ней и будьте уверены, что она охотно Вам поможет во всяком деле. Вот еще жаль, о ней не поговорили; я вижу, что ее образ Вам неясен и я могла бы Вам во // л. 33 об. многом пояснить его. Это богатая, даровитая натура, в которой и доселе осталось хорошее, но все это, к сожалению, исковеркано и испорчено. Она была не глупа, но ум ее, направленный на пустое и измельчавший в светской жизни, перестал быть способным на здоровую, хорошую работу.

Муж работает ужасно много, похудел и побледнел еще более, да и я что-то другая, выдумала в обмороки падать, представьте какие нежности! Я никогда не была очень сильна, а теперь постоянное ношение Николая на руках действует на спину; он же у меня человек с весом. Ну да это // л. 34 не беда, пройдет. Кажется, не сбудется моя мечта, Володя не попадет в П[етер]Б[ург]; а уж к[а]к мне этого хочется. Все деньги! И отчего это не приделаны у людей крылья, точно приспособляясь люди не могли сохранить это несомненно чрезвычайно полезное средство к передвижению. Нет, глупо многое устроено на свете, маркиз, и это довольно странно; если и люди, и природа способны приспособляться, то отчего же это делается не всегда? В Москве крупный скандал, городской голова³ вышел в отставку, а его благодарили

³ Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892) — предприниматель, меценат, коллекционер, в должности городского головы с 21 января 1877 г. по 24 ноября 1881 г. Поводом к отставке послужил скандал, разразившийся

за службу (?); говорят, Государь желает, чтобы он остался. Да и право мудрено найти // л. 34 об. желающего заменить его. О Саре Бернар¹ масса толков, но Замоскворечье, кажется, разочаровано, она для них мало фиглярить²; завтра увижу ее, интересно, хотя я ее уже знаю. Тотчас после Вас пришли Винтер и Баженов и чрезвычайно огорчились, узнав, что Вас уже нет. Простите, при всем желании побеседовать с Вами не могу, голова кружится. Я к несчастью стала малокровна, начну пить вино и скоро поправлюсь. Только Володе не пишите, что я не здорова, а не то я Вас. Поцелуйте Вашу мамашу крепко, крепко; жму Вашу руку, дорогой друг мой. Посестрима. 28 ноября 1881 г.

№ 79

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 35
«4 декабря 1881»*

Хороший мой маркиз, хотя и некогда мне, а все не могу не написать вам хоть несколько слов. Очень рада, что вы не расхворались; признаюсь, я побаивалась за ваше здоровье, когда вы уезжали, а во время такого нервного состояния не мудрено схватить какую-нибудь серьезную гадость.

У нас теперь тихо и серьезно. Муж, не разгибаясь, сидит над сочинением, сегодня пятница, а последний срок ему во вторник, кажется, он успеет окончить свое сочинение. Я озабочена Николаем, он все что-то прихварывает, а его болезнь всякий раз // л. 35 об. мучение для меня. Вы не поверите как страстно люблю это маленькое существо; я не уйду из дому покойной, если знаю, что он не вполне весел и здоров. У меня такое чувство к нему, будто это действительно кусочек моего тела. Когда у вас будет жена и дети, вы поймете меня, вообще ведь чувство понимается только чувством. Очень буду рада, если вы мне станете писать о вашем отце, немного я о нем слышала, и всегда такое, что мне хочется узнать о нем побольше. И пишите, как и сколько хотите; вы знаете, как мне дороги ваши письма // л. 36 и ваши речи. А теперь прощусь с вами, право некогда, есть работа, которую необхо-

в ноябре 1881 г. в связи с незаконными порубками деревьев в Сокольнической роще, что вызвало обвинения Управы в бесхозяйственности и привело к отставке многих ее членов.

¹ Сара Бернар (1844—1923) — французская актриса, которую в начале XX в. называли «самой знаменитой актрисой за всю историю». Успеха она добилась на сценах Европы в 1870-х гг. В ее ампула были в основном серьезные драматические роли, из-за чего актриса получила прозвище «Божественная Сара». Выступала в России (1881, 1892, 1908—1909) — в Михайловском театре, в Москве, а также в Киеве, Одессе и Харькове.

² Фиглярить (иноск.) — надувать, морочить, штуки проделывать.

димо кончить сегодня; работа иголкой, маркиз, теперь у меня в дело идут руки, а не голова.

Ну прощайте, поцелуйте вашу мать от меня, Воля вас обнимает, а я осмеливаюсь поцеловать вашу умную головку. Маркиза.

4 ноября (карандашная помета С. Ф. Платонова: «декабря») 1881.

№ 80

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 37
«3-I-[18]82»*

Дорогой друг, не писала я Вам потому, что все праздники провела самым сумасшедшим образом, то есть все ездила по гостям или принимала гостей и не имела ни минуты свободной. Только сегодня я в первый раз выспалась и отдохнула.

Нужно вам сказать, что мы уже давно собирались в Тверь, мужу очень хотелось меня познакомить со своей хорошей теткой. И никак мы не могли этого сделать, потому что денег нема; но вот завелись кое-какие десять рублей, и мы покатили 30 дек[абря] с тем, чтобы вернуться 31. Впечатление я вынесла оттуда самое отрадное, освещающее и ободряющее. Тетка Вера и муж ее Никол. Мих. Павлов настолько симпатичные и умные теоретики, // л. 37 об. но и честные разумные дельцы. Это люди уже не первой молодости, но сохранившие до сих пор и юношеский пыл, и юношеские честные безукоризненные идеалы: Павлов врач и земский деятель. Разговоры с ним открыли нам глаза на многое, заставили понять, что мы в сущности разговоры разговариваем, а если делаем что, то это так себе, занятие между делом, а настоящее дело у них, в земстве. Это дело трудное и неблагодарное для того, кто его делает, но зато в будущем можно многого ждать. Мы здесь толкуем о диспуте Иловайского³ с девятью оппонентами, а у них просто: 15 деревень мякину едят. Перед такими фактами мелки и ничтожны наши столичные разговоры и рассуждения.

// л. 38 Много писать о них не могу, не скажешь всего, да, наконец, Мика хотел и сам писать вам и, вероятно, передать лучше меня то, что возбудило в нас обоих наше посещение Павловых. Эти разговоры так не похожи были на те, которые ведутся в т[а]к называемом интеллигентном кружке Корелина: знаете я все больше разочаровываюсь в этом кружке: правда, народ умный бывает там, только то нехорошо, что сделали их брюшные интересы. И каждый за себя, и за своим товарищем примечает, и все что-то от других прячет. Вот Вам характерная

³ Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920) — русский историк, публицист, автор пятитомной «Истории России», редактор и издатель газеты «Кремль».

черточка: за ужином предложили Корелину сказать такой тост, который бы всем пришелся по сердцу и такого тоста не нашлось.

// л. 38 об. В таком маленьком кружке, а нас было человек 15—16, не нашлось связующего интереса; ведь нельзя же в самом деле пить за чтение газет, за разговоры о литературе, о политике; ведь вот что нас связывает, ничего более глубокого нет.

Да, грустно это, маркиз. Теперь об вас; прежде всего желаю вам более счастливый и радостный год, а потом свидания с нами; конечно, это желание совершенно эгоистичное, но ведь все на свете делается в силу эгоистических побуждений. А теперь прощайте, голубчик, очень болит палец, не могу совсем писать. Поцелуйте вашу мамашу покрепче от меня и пожелайте ей радоваться на своего сына.

Жму вашу руку, Посестрима. 3 января 1882.

№ 81

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 39
«Февр[аль] [18]82»*

Получив ваше предпоследнее письмо (о земском деле), я хотела тотчас же отвечать вам; не помню, почему замедлила и вот до сих пор не находила свободного времени для ответа вам, маркиз. Теперь уже не помню ясно, как я хотела ответить вам на первое письмо, но знаю, что ответ у меня был готов. Словом, или я выразилась неточно, или вы меня не поняли: я не нахожу, что единственное полезное дело это земство, конечно, я не стану отрицать пользу науки, она нужна для самого успеха земских людей, но вокруг себя я не вижу людей с ясно намеченными, определенными целями, люди занимаются наукой, потому что т[а]к пришлось, т[а]к сложились обстоятельства.

Дальше своей узкой специальности, // л. 39 об. дальше своего кружка эти люди не видят, и очень мало интересуются тем, как и чем живет Россия и как ее заставить жить лучше и легче. Люди науки необходимы, но они не должны оставаться чуждыми жизни, чтобы со временем, когда это будет нужным, помочь земским людям. В Твери я видела людей, к[ото]рые сознательно делают именно то дело, которое они считают полезнейшим: вокруг себя я этого не вижу. Я не понимаю науки для науки, наука для жизни и потому что м[ожет] б[ыть] меня более привлекает земская деятельность, что в ней я вижу приложение того умственного богатства, к[ото]рое добывается наукой. Не стою я за всех земцев, но точно за то, чтобы умные и честные люди взялись за земское дело: в нем будущность России.

// л. 40 Это прекрасно — заниматься наукой, но не надо упускать из виду жизни. Мож[ет] б[ыть] в моем письме через чур видно было мое увлечение

земством, но это произошло лишь от того, что я сравнила тех разумно и сознательно работающих людей с нашими quasi-профессорами и quasi-учителями, для к[ото]рых и наука, и педагогика — ремесло.

Второе ваше письмо я поняла т[а]к: вы заработались, устали, перенесли много горя и неприятностей, вас надо на подножный корм, тогда пройдет апатия, скука и т. д. Жаль, что у вас нет времени, но я бы предписала вам прогулки, здоровый сон, укрепляющую пищу и общество ваших друзей. И к[а]к бы скоро все это прошло. Знаете ли, чтобы влюбиться, надо быть здоровым // л. 40 об. человеком. От всей души желаю, чтобы вы нашли возможность побывать летом в Москве, мы бы вас полечили; помните, к[а]к тогда в Харине.

Теперь о нас: весь январь прошел ужасно; в самый день моего рождения захворал Ника, потом бабушка; у нее сделалась рожа на голове и на лице; в ее годы это опасная вещь и мы довольно перетруснули все. Ночи я проводила с Никой, днем ездила в Симонов, к тому же у меня сделались нарывы на руках, и я не могла писать. Когда все стали понемногу поправляться, я начала ежеминутно кувыряться в обморок; по настоянию мужа пришлось идти к доктору, который заставил меня лечиться железом, молоком и т. п. питательными веществами. Теперь мне немного лучше, // л. 41 но я простудилась и сижу дома. Доктор пугал меня чахоткой и т. д., если я беречься не буду, но я, конечно, ему не верю.

Потом я должна была переменить няню, и опять в течение недели не могла ничем иным заниматься, кроме Ники. Видите ли, какие обстоятельства мешали мне писать, хотя мне все время этого хотелось и было о чем писать.

Вот вам крупная новость: Мика получил лекции по истории искусства в нашей консерватории и уже в среду прочел свою первую лекцию. Работой он положительно завален, не знаю, к[а]к он справится с нею, но все-таки новое дело привлекает и интересуется его. К осени он постарается приготовить целый курс к будущему году.

// л. 41 об. Судьба натолкнула его на это дело и мож[ет] б[ыть] оно делается его специальностью; в таком случае для него открыта будет кафедра в Моск[овском] универ[ситете]. У нас только безумный Герц¹ занимается историей искусства, то есть читает о ледяном периоде. За ним нейдет никто.

К настоящему времени подоспели и чтения в Симонове по воскресеньям; Мика взялся прочитать о татарах и начале Москвы, приходится и к ним

¹Герц Карл Карлович (1820—1883) — заслуженный профессор Московского университета по кафедре истории искусств, археолог, историк искусства, собиратель автографов деятелей культуры, педагог, музейный работник.

готовиться, а времени совершенно нет. Боюсь я только, что эта усиленная работа повлияет на его здоровье, а то все бы шло хорошо.

Ну прощайте, маркиз, вероятно, скоро напишу, Мика уже начал письмо вам. Поцелуйте вашу мамашу. Маркиза.

№ 82

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 42
«17 февр[аля] [18]82»*

Недавно вернулись мы с диспута Семевского¹, и я спешу под свежим впечатлением сообщить вам его подробности. Я была на диспуте с самого начала, муж пришел в начале пятого после своей лекции в Консерватории. Вступительная речь Семевского произвела самое благоприятное впечатление: он говорил о необходимости помочь нашему народу, к[ото]рый страдал во все эпохи нашей истории и продолжает страдать до сих пор. Не всем дано помогать ему² прямою деятельностью, немногие в силах сделать какое-нибудь облегчение ему, пусть же те, к[ото]рые посвятили себя науке, ищут в прошлом этого народа прочных основ для создания ему лучшего будущего. Только при разумном изучении прошлого и настоящего // 42 об. этого народа можно думать о том, чтобы его жизнь была легче в будущем. Теперь настала эпоха беспристрастно, спокойно изучать все явления крепостного права; и мы не можем оставить в стороне темные стороны его, но нельзя отрицать существование и некоторых светлых сторон. Тяжел был произвол помещика (тут фактические примеры), но во время крепостного права не было безземельных, безлошадных крестьян, какие есть теперь. Велика была реформа 19 февраля, но она сделала не все, что было нужно для народа; недостаточность наделов в настоящее время самое большое его бедствие. Недостаточность наделов — это вопрос, к[ото]рый не может быть чуждым всякому, кто интересуется нашим народом.

В заключение он пожелал, чтобы многие другие более способные и сильные шли по избранному им // л. 43 пути и придержащие власти не стесняли бы свободу исследования. Затем начал возражать Нил Попов³. Он говорил резко, запальчиво, видимо, сердился, но не сказал ничего существенного. Первое его возражение касалось недостаточно уважительного

¹ Семевский Василий Иванович (1848—1916) — русский историк либерально-народнического направления, доктор русской истории, профессор.

² Далее для зачеркнуто.

³ Попов Нил Александрович (1833—1891) — русский историк, славист, архивист. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1883). Трижды избирался деканом историко-филологического факультета университета (1873—1876, 1877—1880 и 1882—1885 гг.).

отзыва Семевского о Соловьеве⁴; это было просто глупо. Затем начал упрекать магистранта за то, что он не читал того или другого сочинения, затем писал только о крестьянах?! и т. д. Семевский возражал покойно и с достоинством. Затем уж не помню на какое-то замечание Попова он попросил привести доказательства высказанному положению, но Нил, конечно, ничего не сказал. Когда Попов кончил, ему даже зашикали. Между прочим, диспут происходил в актовом зале, что большая редкость и делается только для самых замечательных и интересных диспутов. Народу было множество.

// л. 43 об. В пятом часу начал возражать Ключевский: у него было возражение посерьезнее, хотя нельзя сказать, чтобы они⁵ существенно подрывали значение книги. Ключевский говорил, что посессионные крестьяне были видом крепостных, потом в некоторых случаях указывал на недостаточность фактов для вывода, оспаривал некоторые факты, но дело шло у них мирно. Семевский почти относительно всех своих выводов говорил, что не считает их непогрешимыми и вообще не скажу, чтобы всегда защищался с большою силой, да и нападки то на него не были очень яростны. После Ключевского говорил Чупров⁶ (политич[еская] экономия). Он восстал против положения Семевского, что крестьяне пользовались помещичьими лесами и еще против чего-то относительно тягел. Я не могла всего расслышать, а затем Троицкий⁷ // л. 44 прочел отзыв факультета, и Семевский был удостоен звания магистра русской истории. Аплодировали долго и дружно, диспут произвел хорошее впечатление и давно у нас не было такого. Обыкновенно магистранты ломаются и корчат из себя глупцов или дерзки и нахальны до невозможности, к[а]к был, напр[имер], Макс. Ковалевский⁸.

Вот что я слышала о книге Семевского⁹: это самостоятельное, добросовестное исследование, которое можно упрекнуть разве в некоторой поспешности

⁴ Соловьёв Сергей Михайлович (1820—1879) — русский историк, профессор Московского университета, ректор Московского университета (1871—1877), академик.

⁵ Далее окончатель[но] зачеркнуто.

⁶ Чупров Александр Иванович (1842—1908) — российский ученый-экономист, статистик, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской АН.

⁷ Троицкий Матвей Михайлович (1835—1899) — русский психолог, философ; представитель эмпирической философии в России, инициатор создания и первый председатель Московского психологического общества. В 1880 г. стал деканом историко-филологического факультета Московского университета (первый срок — 1880—1884 гг., второй — 1889—1891 гг., третий — 1893—1894 гг.).

⁸ Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — русский ученый, историк, юрист, социолог эволюционистского направления и общественный деятель, один из руководителей русского масонства. Академик.

⁹ Семевский в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1881. Т. 1. 504 с.

выводов. Идеализации в его книге нет, и он является одним из представителей небольшого кружка по большей части наших московских ученых, к[ото]рые в основание своих трудов кладут статистику. По моему мнению, это настоящее, разумное направление и дай Бог, чтобы по этому пути шло большее число людей.

// л. 44 об. Относительно истории с Бестужевым я слышала, что он не хотел пропустить Семейского потому, что не сочувствовал направлению его книги. Вот вам подробный отчет, надеюсь, вы довольны: я т[а]к старалась слушать сегодня, что перестала даже понимать что-нибудь под конец. И голодна же я была! Боже, как голодна! Мы сели обедать в 7 часов.

О нас сказать могу мало: мы здоровы, работаем, Мика даже слишком много, не спит ночи, целый день корпит над книгами. Я опять взялась за чтение; у меня хорошая новая няня, и это дает мне возможность снова читать. Николай делает зубы. К[а]к видите, все заняты, каждый по-своему.

Вы мож[ет] быть слышали, что Сониная свадьба расстроилась. Т[а]к к[а]к она говорила, что любила // л. 45 Стремоухова, то и все это дело объясняя себе тщеславными стремлениями матери. Конечно, ей хочется для Сони жениха богатого и в чинах. Ну, Бог с ними, когда начинаешь обо всем этом думать, то злишься и портишь себе кровь, поэтому лучше совсем забыть обо всем этом. Мои силы нужны Мике и Нике, и моим милым друзьям.

Ну прощайте, маркиз, целую вас в умную головку. Передайте мой поклон вашей мамаше, да не забывайте нас. Посестрима. 17 февраля 1882.

№ 83

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 46
«26 марта [18]82»*

Дорогой друг,

Желаю Вам радостно и покойно встретить праздник весны, хотя при Вашем теперешнем положении это довольно мудрено. Экзамены — прескучная вещь; но, когда Вы их сдадите, я надеюсь, что Вы приедете в Москву и будете гостить у нас. Дачу мы уже наняли и место для Вас будет.

Я теперь совершенно довольна, что Володя может отдыхать целых две недели, теперь он спит сколько захочет. Последнее время ему было тяжело, он чувствовал себя нехорошо и // л. 46 об. даже собирался идти к доктору. Зато я поправилась и теперь чувствую себя отлично, надо еще немножечко откормиться и я буду иметь вид совершенно здоровой женщины.

В Вашем письме я надеялась прочитать Ваше мнение о Сонином женихе, именно Ваше мнение меня очень интересовало. Как я слышала, это пустоватый

и фатоватый добрый малый an fond¹, но ничего серьезного из себя не представляющий.

// л. 47 Мне непременно хотелось написать Вам к празднику, пожелать всего хорошего, но, конечно, письмо будет коротко, потому что дела у меня по горло.

Очень рада, что Вас оставили при университете, но будет очень тяжело и грустно, если вам придется готовиться к магистерскому экзамену два года; надеюсь, что этого не случится, иначе это может повредить Вам в умственном и нравственном отношении.

Поцелуйте и поздравьте Вашу мамашу, жму крепко Вашу руку.

Маркиза. 26 марта 1882.

№ 84

*Помета С. Ф. Платонова пером: // л. 48 «Получено
21 апреля 1882 г.»*

Как я сожалею² Вас, дорогой маркиз, какое тяжелое время переживаете Вы теперь. Я на своем муже видела, что за мучения причиняют эти экзамены. Одно может служить Вам утешением: это уже последние. Грустнее то, что Ваши финансы не придут в надлежащее состояние; я надеюсь все-таки, что Вы будете иметь возможность приехать в Москву и погостить у нас в Константиновском, где мы наняли дачу. Может быть Вы там встретите Соню и ее мужа, к[ото]рые непременно приедут к нам погостить. Вы не поверите, как я радуюсь этому браку и с каким нетерпением жду его; и как же не радоваться: ко мне вернулась моя Соня, моя милая прежняя харинская Соня и теперь уже, вероятно, навсегда. Вас // л. 48 об. это удивляет? Но дело очень просто объясняется, это дело Алек[сандр] Ник[олаевич], к[ото]рый дружески сошелся со мною, с симоновскими и с моим мужем. Я очень рада, что Вы его хвалите, потому что лучшего мужа Соня не могла найти; это вполне порядочный и очень неглупый человек, много думавший, но к сожалению, не получивший серьезного образования. В том, что он любит Соню, не может быть сомнения, потому что у Сони очень немного *положиться не на что*³, Вас все это удивит, но это так.

Теперь в Симонове идет страшная борьба Сони с матерью, которая хочет расстроить это дело, но Соня не сдается, потому что она любит и любит серьезно, глубоко и искренно. Что ей приходится выносить теперь, это ужасно, это гораздо хуже того, что выносила я, а я выносила тоже довольно много. Мои возмущены и совершенно измучились

¹ На заднем плане (фр.).

² Вероятно, *нужно, жалею*.

³ Текст курсивом вписан сверху строки.

умиротворяя. Но Соня и ее жених восстановлены т[а]к против матери, // л. 49 к[а]к не были и мы. При ее аристократических замашках и вкусах она сумела растратить половину Сониного состояния и теперь все настаивает на блеске и роскоши. Алек[сандр] Ник[олаевич] — человек не светский и не любящий света, ему все это не нравится, а он, в свою очередь, не нравится матери. Жить они будут скромно, потому что у них дохода немного больше нашего. Вероятно, он выйдет из гвардии, по крайней мере, он этого желает и может быть ему придется взять какую-нибудь службу, чтоб жить; а всего вероятнее, что купят имение и уедут в деревню. Мамаша не может скрыть своего недовольствия на Алек[сандра] Ник[олаевича], она всем его бранит, зовет чуть не дураком, а Соне делает ужасные сцены. Бедная девушка исхудала и измучилась. Еще в прошлом году Вильковский нравился Соне, но мать устраивала ее брак с другим. Осенью Соня // л. 49 об. была невыносима, но она сама признается, что она действовала т[а]к потому, что слишком была угнетена, слишком подавлена постоянным чувством страха. Мать не хотела, чтоб Соня любила нас, то есть симоновских и Мику, и Соня т[а]к боялась, что не смела показать своей любви. Алек[сандр] Ник[олаевич] не такой человек, к[ото]рым бы можно было вертеть, характеру у него много, и он прямо стал на нашу сторону. С мужем моим они сошлись по-приятельски. Но бедная Соня даже больна от постоянных сцен; я боюсь, что она не дожидется 25-го и захворает. Мать всячески старается расстроить дело, но теперь это невозможно и поэтому она мучит Соню. Знаете, надо иметь инквизиторский ум, чтобы придумывать такие мучения, какие умеет придумывать она. Вот две недели, что я ничего не читаю, // л. 50 ни об чем не думаю, к[а]к только о симоновских драмах, а когда вижу кого-нибудь из них, то выслушиваю такие вещи, от которых сама дрожу к[а]к в лихорадке. Нет оскорблений, к[ото]рых бы мать не придумала для Сони, и все потому, что она чувствует, что рабы у нее больше не будет. Ее самолюбие задето тем, что ее дочь выходит замуж за человека бедного и не знатного, и наконец, ее бесит то, что несмотря на все ее старания сделать из Сони светскую куклу, чувство все-таки взяло свое, она любит серьезно и совершенно изменилась вследствие этого. Ни жеманства, ни надменности, ни пустословия нет, есть харинская Соня, к[ото]рая, вероятно, при виде Вас поступит так же, как та милая девочка в Харине. Знаете, что, маркиз, утешьте ее и меня; ей столько // л. 50 об. приходится страдать за последнее время, что можно ее и побаловать; напишите ей хоть два слова, пожелайте ей счастья, я знаю, что она Вас любит и ей дорого будет

Ваше участие. Ее венчают в воскресенье в час, если Вы напишите в пятницу, то письмо придет к[а]к раз во время обеда. Не забудьте, что это будет уже С. Ю. Вильковская. Ну до свидания, дорогой друг, об нашей жизни теперь писать нечего, мы живем их жизнью. Володя волнуется не хуже меня. Мой поцелуй Вашей мамаше, жму Вашу лапку. Жива ли Ваша киса? Евг. Беркут.

P.S. к[а]к я буду счастлива, когда Соня сядет в **каюте** со своим мужем.

№ 85

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 51
«30 мая [18]82»*

Вы может быть сердитесь на меня, маркиз, но ей Богу, не было свободной минутки. И сегодня еле пишу Вам, так устала; пишу только для того, чтобы сообщить, что 30 мая в воскресенье мы переезжаем на дачу и оттуда я, конечно, найду возможность написать Вам. Вчера мы провели целый день на выставке, потом были в Симонове, сегодня Володя с 9-ти до 7-ми экзаменовал, а я бегала по городу при температуре в 30°. Судите сами, каково мне.

// л. 51 об. При том все последнее время ужасно тормозились. От Сони очень грустные вести; все волнения и мучения, которые она перенесла, настолько потрясли ее здоровье, что теперь она себя очень нехорошо чувствует, и тетя Юля даже ездит туда. Сонин муж пишет об ужасном нервном расстройстве; это всех нас очень беспокоит, хотя мы ничего еще не знаем. Должно быть, тетя выедет в понедельник, 31 мая в СПб.

// л. 52 Затем прощайте, как устроюсь, напишу Вам. Жму Вашу лапку, не крепко, сил нет. Евг. Беркут. 28 мая.

Адрес: Подольск, Московск[овская] губ[ерния]. Село Константиново, в буфет станции Подольск, с передачей.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 52 об. «Подольск, Московск[овская] губ[ерния], село Константиново; в буфет станции Подольск. С передачей (май 1880 — май 1882).

№ 86

// л. 53 18 июня 1882 г.

Вы, вероятно, думаете, что я Вас совсем забыла, дорогой маркиз, а между тем, я каждый день Вас вспоминаю и жду. Но не пишу я Вам теперь только по лени, это правда. Две недели тому назад переехали мы сюда и с тех пор едим, пьем, спим, гуляем в хорошую погоду, словом, все усилия употребляем на то, чтобы пополнить и поправиться. Получила я Ваше письмо, порадовалась благополучному окончанию

экзаменов, собралась тотчас ответить и, как видите, до сих пор все собралась. Вы не сердитесь.

// л. 53 об. А теперь от души поздравляю Вас с окончанием экзамена и оставлении при университете. Дай Бог Вам ужиться с Бестужевым и сделать много хорошего на научном поприще. Желаю, чтобы Вы поскорее устроили свои дела и приехали к нам: то-то мы с Вами поговорим. Здесь хорошо, вроде Харина. Мы будем гулять с Вами и разговаривать как там, а писем не ждите, не могу писать отсюда, обуяла лень. Вы только известите нас о дне Вашего приезда письмом, // л. 54 может быть Володя приедет Вас встретить. Почта ходит три раза в неделю, вторник, четверг и воскресенье.

Поцелуйте Вашу мамашу, крепко жму Вашу руку и жду Вас. Пишите по последнему адресу. Маркиза.

Подольск, Москов[ская] губ[ерния], село Константиново. Е. Н. Беркут.

№ 87

// л. 55 16 июля 1882

Прелесть! Прелесть! Скорее, милейший маркиз, приезжайте! Жду Вас без всякого терпения, как дождя, потому что дождь теперь самое желанное. Только по старой памяти услужите службу; мать собирается к нам, ну, а Вы знаете, как это приятно; поэтому прошу Вас, если увидите Симоновских, сказать, что Вы немедленно и надолго едете к нам. Надеюсь, что Вы не солжете; только приезжайте, я уж Вас не выпущу. Да скорее же, маркиз, скорее, не хочу больше ждать, хочу Вас видеть и поцеловать в умную головку. Я даже запрыгала от радости, получив Ваше письмо. Маркиза.

// л. 55 об. На станции Подольск Вы всегда найдете лошадей, приехать к нам на одиночке стоит 1 р. или 1 р. 25, поэтому устройте так, чтобы приехать один раз и надолго. Буду ждать Вас каждый день.

№ 88

// л. 1 10 октября, 1882 г.¹

Дорогой друг,

никто не поверит, чтобы в этот долгий промежуток времени, который прошел с Вашего отъезда, я не могла найти времени для беседы с Вами, но это так. Если у меня и были «свободные» минуты, то настроение было такого рода, что писать было невозможно. Теперь я немного поуспокоилась и уже давно чувствую потребность поговорить «по душе». Тяжело мне было, маркиз, и вот Вы теперь узнаете все, что я пережила за последнее время. Как только мы переехали в Москву, Коля, который жил у бабушки, очень сильно заболел. Вы видели его еще

здоровым, но что сделалось с бедным мальчиком вскоре после Вашего отъезда! Он исхудал страшно; болезнь его с разными перипетиями продолжалась целые три недели, Вы без слов поймете, что я пережила в это время.

// л. 1 об. Как только Коле стало немного лучше, я вернулась из Симонова в Москву, но через два дня мне снова пришлось сидеть у постели больного мужа. Он сильно простудился, у него сделалось расстройство печени, и Вы не поверите, что только теперь он начал оправляться. Болезнь его была настолько серьезна и продолжительна, *две недели в постели*², что требовала радикального лечения и полного отдохновения. Я думаю, что одною из причин было его сильное огорчение по случаю смерти сестры; Вы помните, до какого состояния он доходил и что с ним было. Да, маркиз, тяжела мне была эта осень, ох, как тяжела, я постарела на 10 лет.

Когда Володя поправился, пришло время читать лекции в Консерватории, а весь август прошел для него даром, готовиться он не мог и по болезни, и по настроению. Вы знаете, что эти лекции его мучили, его работа не удовлетворяла его; он боялся забыть свое дело, свой предмет, // л. 2 занимаясь культурной историей, когда предметом его занятий вообще должны были быть экономические и социальные вопросы. Но оставить Консерваторию он не решался, 400 р. слишком много, чтобы при нашем доходе мы могли так легко от них отказаться. Его мучило еще то, что и так он дает жене и сыну слишком плохое обеспечение. Я видела его мучения, видела, как они действуют на его здоровье и уговорила его отказаться от Консерватории. Теперь нам плохо, очень плохо; наши мечты о поездке в П[етер]б[ург], кажется, останутся мечтами, даже на необходимое нам недостает, заложено все, что можно было заложить, я понемногу продаю свои дорогие вещи, но мы покойны и счастливы. Володино настроение тотчас изменилось, как только он отказался от Консерватории; правда он озабочен судьбой семьи, усиленно ищет уроков, но не мучается мыслью, что он делает дело, к которому // л. 2 об. не готов и не берет деньги даром.

Кстати, его место заняли двое: один чахоточный учитель географии, к[ото]рый почти говорить не может, и Корелин, к[ото]рый смыслит в искусстве немного поменьше, чем известное животное в апельсинах. Для этой фигуры лекция — это 200 руб. доходу, ну а этого совершенно достаточно.

Когда мы поуспокоились, началось устройство на зиму, вещи у меня были не разложены до конца сентября; теперь оба усиленно ищем уроков, работы,

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2276.

² Текст курсивом вписан сверху строки.

чего-нибудь, что давало бы нам возможность жить без нужды. Мои поиски до сих пор были напрасны. Володя нашел урок словесности в Женском пансионе Мага¹, дает это ему около 30 р. Вы должны знать, что прошлогодний урок в женском пансионе прекратился, так как пансион прекратил свое существование. Воскресенский дает 70 р., мои доходы значительно поуменьшились, // л. 3 и, конечно, все это сильно озабочивает нас; будь мы одни, мы бы кое-как перебивались, но Николай, своим существованием доставляющий нам немало радостей, обязывает нас серьезно озаботиться и о его обеспечении.

Кроме всех этих забот и огорчений, пришлось еще переживать и передумывать кое-что. Вы помните мое настроение в Константинове, помните, как я, по свойственной мне страстности, отнеслась к смерти Лизы. Мне так жалко было несчастного отца, я готова была всем сердцем им отдаться и надеялась, что наши отношения вступят в новый фазис. Мои надежды не оправдались. Еще вчера мы толковали об этом с Володей; он положительно считает отца человеком несердечным, неспособным оценивать искреннюю привязанность другого. Никто более нас не принимал // л. 3 об. участия в их горе, никто более нас не старался облегчить им его и что же? Наши отношения с ними остались те же, учтиво-холодные и любезно-далекие, что и были. Ни интереса к нашим делам, ни заботы о нас не видно. Правда, отец лечил Володю и был огорчен его болезнью; я и не думаю отрицать в нем известной доли расположения к Воле, но любить искренно, горячо любить он не умеет.

¹ Пансион (женская гимназия) Александры Петровны Мага-де-Лаплатьер (урожденная Бесс) (1818—1887) и Юлии Петровны Бесс (1843—1893). В конце 1830-х гг. в Москве, на Маросейке, в доме Еремеева, была открыта небольшая школа для приготовления девочек в институты и другие учебные заведения. Открыли ее две сестры: Евгения Петровна Ларме и Александра Петровна Мага-де-Лаплатьер. Школа, основанная Ларме и Мага, торжественно праздновала свое пятидесятилетие 11 апреля 1893 г., будучи уже полноправной женской гимназией ведомства Министерства Народного Просвещения, учрежденной Ю. П. Бесс. До 1843 г. школа Ларме и Мага имела частный характер, и только в 1843 г. сестры получили разрешение на открытие четырехклассного женского пансиона. С 1849 г. пансион становится семиклассным учебным заведением. Школа пользовалась глубоким уважением и широкой популярностью, число учениц росло с каждым годом. К пятидесятилетию юбилею статисты подсчитали, что из общего числа 600 воспитанниц, 120 держали экзамен при Университете и получили звание домашних учительниц. Уже в семидесятых годах XIX века к учебному процессу удалось привлечь Юлию Петровну Бесс, младшую сестру основательниц школы, которая сразу же вступает в управление пансионом совместно с основательницами. С 28 мая 1887 г. Бесс осталась единственной руководительницей заведения (Пятидесятилетие женской гимназии Ю. П. Бесс. 1843—1893 / Сост. М. Соколов. М.: Тип. М. Г. Волчанинова. 1894. 82 с. С. 1.).

Ну, Бог с ними; оставим мертвым хоронить своих мертвецов, а пока мы живы, надо жить, работать и наслаждаться жизнью. Жизнь коротка, нелепый конец ее смерть, уничтожение, заставляет пользоваться каждой минутой, каждым своим лучом; и один из этих лучей — это дружба. Да, маркиз, никогда еще я не ценила так Вашей дружбы, как теперь, никогда мне не казалась такой дорогой // л. 4 эта возможность всегда во всякое время излить мне Вам свою душу; сказать все-все пустяки, все мелочи моей жизни, не боясь насмешки, высказать дурные стороны свои, не боясь осуждения. Знаете ли Вы, что я очень Вас люблю, побратим, и чем дольше, тем больше? Не пишу я Вам по целым месяцам, а придет такая минута и выльется прямо из сердца горячее искреннее слово.

Меня вот еще что радует: с Соней мы сошлись по-старому, это большое для меня счастье; Вы знаете как я люблю ее и люблю ее теперь еще больше, потому что раз потеряла ее, и она опять ко мне вернулась. Бедная, у нее теперь столько забот, дела их очень расстроены, все разные неприятности, а ей надобно беречься в ее положении. Почти половина состояния растрачена и из того, что осталось, она хочет дать обеспечение матери — 10 тысяч.

// л. 4 об. Мать вечно не довольна Соней, бранит Александра и творит всякие нелепости. Ходите иногда к Соне, она очень рада Вас видеть и возобновить старую дружбу. Кстати о старой дружбе. Мои дружеские отношения с Алешей Гизетти и возобновились, и укрепились, но все-таки, маркиз, это не Вы; наши убеждения с ним, что касается вопросов политических, общественных, совершенно одинаковы, я верю его расположению, но он далеко не так понимает меня, как Вы; даже совсем он меня не понимает. Во многих вопросах сидит у него в голове какая-нибудь мысль, и ее ничем, ничем отсюда не выбьешь; конечно, это в вопросах житейских. Напр[имер], он воображает, что Ник[олай] Кон[онович]² очень хорош к нам, а мы к нему несправедливы только потому, что Ник[олай] Кон[онович] лечит Шахова³, был хорош с ним и родные Шахова его любят. Мне просто обидно, // л. 5 что он нам с Володей не верит, а его не убедишь. Это честный, искренний человек, много знающий, но не талантливый и чуть-чуть узкий в своих убеждениях и частной жизни. У него есть немецкий педантизм и это мешает нам сойтись, слиться совершенно. Я хочу, чтобы Вы меня поняли; у нас очень хорошие от-

² Отец Владимира Беркут.

³ Шахов Александр Николаевич (1821—1889) — сенатор, старший председатель Московской судебной палаты, первоприсутствующий в третьем Департаменте Правительствующего Сената Российской империи.

ношения с ним, но это не такой друг, к[ото]рый бы беззаветно верил мне, как Вы.

Если мы приедем в П[етер]б[ург] (это невероятно, но отчего же не помечтать), то я буду жить у Сони, а Володя у Вас, если Вы его не выгоните; Алеша его тоже звал, но я думаю, что он предпочтет жить у Вас. Тогда Вы о многом договоритесь. Помните последний Ваш разговор с Володей? Побольше таких разговоров и Вы будете совсем наш. Теперь такое время, что нельзя оставаться чуждым // л. 5 об. вопросам о народном благосостоянии, это вопросы насущные. Вся наука наша хороша лишь потому, что она поможет доставить со временем большинству то, чем теперь пользуется немногие. Будущее России в земстве; т[а]к или иначе разрешаться экономические вопросы, к[ото]рые в настоящее время затрудняют нас, значение земства неоспоримо. Вот почему Володя хочет ходить на земские собрания, будет серьезно изучать разные вопросы, поднятые земством и готовиться к будущей деятельности. Он не теряет надежды на приобретение ценза и работу в земстве. Неужели же нам, которые зовемся людьми просвещенными и гуманными, оставаться глухими к этому воплю рабского сословия, к[ото]рый не заглушается даже оргиями капитала?

Ну до свидания, голубчик, поцелуйте Вашу мамашу, целую умную головку моего дорогого друга. Володя и Коля Вас целуют. Посестрима.

№ 89

*Карандашная помета С. Ф. Платонова: // л. 6
«18-1/XII-82»*

Дорогой друг. Берите стипендию, но только же сумняся¹ и не волнуйтесь: Вы через чур щепетильны, точно мой Володя. Хороший Вы человек. Пищу в постели: после отъезда Вашей матери я сильно захворала и теперь еще плохо поправляюсь. Ваш верный друг Евг. Беркут. 29 ноября.

// л. 6 об. Дорогой друг! Прочитал Ваше письмо и глубоко сочувствую весьма вашим мучениям и сомнениям, хотя в данном случае они были просто последствием Вашего идеализма — черты благородной и к несчастью родной в нашем поколении. Вы неисправимый идеалист и нужно сознаться, что как ни хороша эта черта характера сама по себе, но иногда она очень и очень вредит, отнимая иногда много времени и расстраивая наши нервы мучениями, часто излишними. Иногда Вы испытываете страшную душевную бурю из-за какой-то восходящей звезды, которой, как Вы убедились, на все Ваши мучения «плевать». Стоит ли церемониться перед

всяким Шляпкиным²? Вы, м[ожет] б[ыть], обиделись на мое отношение к Вашему ученому другу, но, право, я в Шляпкине вижу гораздо больше, чем Вы. Вы видите в нем лишь то, что блестит, а я хочу видеть и вижу в нем и нравственную Корелинскую // л. 7 подкладку, которая очень и очень несимпатична. Вы с Вашим идеализмом, видимо, сделаете еще много и много ошибок, и жестоких, в выборе людей, с которыми связываете свои интересы. Вы очень хорошо понимаете куда я мечу и почувствуете по свойственной Вам впечатлительности полный разлад между Вами и Бестужевым, но старайтесь заглушить в себе это ощущение пропасти между Вами и им, но рано или поздно Вы просто увидите эту пропасть и Вам станет обидно, что Вы так долго верили в возможность какого бы то ни было союза с такими людьми. Мораль, выводимая мною из всего вышесказанного, вовсе не состоит в отказе от стипендии, которую, слава Богу, что Вам дали (конечно Вам, а не Шляпкину нужна она по всем правам), и не в разрыве с Бестуж[евым] — избави Бог: что служебные отношения, а в том, чтобы не очень тесно спланиваться с Вашими петербургскими историками — филологами тоже (!), не втягиваться слишком в их интересы, потому // л. 7 об. что их интересы, хотя, м[ожет] б[ыть], и глубоко ученые, безжизненны. Примкните резко и определенно к какой-нибудь партии, подумайте над текущею жизнью, постарайтесь связать³ науку с этою жизнью, не забывайте общего, философского образования, расширьте свой научный и житейский горизонт, не запирайтесь слишком рано в кабинет. Вот предостережения, которые следует обратить ко всякому начинающему ученому, находящемуся под руководством профессоров Петербургского университета. Не удивляйтесь, что я так резко нападаю на них, не зная их. Но по всем рассказам я составил себе довольно живое представление об их направлении. Как-нибудь разъясню мою точку зрения обстоятельнее. Если хотите, облегчите мне эту мою задачу, высказавши все ваши идеалы в науке и указанием, с какими историческими законами Вы имели дело в университете и что извлекли из Ваших личных занятий. Стипендией не смущайтесь — Вы правы. Целую крепко. Мамаше поклон. В.Б.⁴

² Шляпкин Илья Александрович (1858—1918) — русский педагог: филолог, палеограф, историк древнерусского искусства.

³ Далее *Вашу работу* зачеркнуто.

⁴ Часть, написанная В. Н. Беркутом, опубликована [Митрофанов: 2019, с. 213—215].

¹ Сумняся (церк.-слав.) — не сомневаясь.

№ 90

// л. 8 22 декабря

Дорогой друг,
 Что с Вами случилось? Отчего Вы нам не отвечаете? Здоровы ли Вы? Или может быть сердитесь?

Не сердитесь: 29 или 30 мы приедем в П[етер]Б[ург] и Володя прямо к Вам, я же остановлюсь у Сони; попрошу говорить всем, что я останавливаюсь у Вас, а то мама съест Соню совсем. Это маленькая ложь, но для друзей не грех и соврать. Не пишу больше, некогда. До скорого свидания. Евг. Беркут.

Список литературы

1. Академик С. Ф. Платонов: переписка с историками: в 2 т. Т. 1 / ред. С. О. Шмидт; сост. В. Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. 388 с.
2. Гаврилов С. В. Научное наследие В. И. Семевского в советской историографии // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 106—119.
3. Гродненский сейм 1793 года. Последний сейм Речи Посполитой / соч. Д. Иловайского. М.: Университет. тип. Катков и К^о, 1870. 303 с.
4. Иловайский Д. О мнимом призвании варягов. Из исследования о начале Руси. М.: Университет. тип., 1871. 98 с.
5. История Рязанского княжества: соч. Д. Иловайского. М.: Университет. тип., 1858. 337 с.
6. Корелин М. С. Новые мемуары о революционной эпохе XVIII в. // Исторический вестник. 1880. Т. 3. С. 353—371.
7. Кох О. Б. Герой своего времени (Штрихи к портрету М. И. Семевского) // Страницы исторического краеведения. 2001. № 14. С. 46—60.
8. Критский Ю. М. В. И. Семевский и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. Сер.: История — язык — литература. 1969. № 2. С. 165—168.
9. Медведев И. П. Студенческий реферат С. Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетракситов» // Античная древность и Средние века. 2011. Вып. 40. С. 390—408.
10. Митрофанов В. В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв.: сб. ст. и материалов. Вып. 5 / под. ред. А. М. Дубровского. Брянск: ИС, 2019. С. 151—218.
11. Первое двадцатипятилетие Московской консерватории. Исторический очерк профессора консерватории Н. Кашкина. М.: Печатня С. П. Яковлева. 1891. 81 с.
12. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. С. Сушчинского, 1881. 504 с.
13. Тихонов В. В. В поисках московской школы историков (Терра Еурога: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / автор-составитель Д. А. Цыганков. М., 2014) // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 167—169.
14. Цыганков Д. А. Письма М. С. Корелина В. И. Герье // История и историки: историографический вестник за 2007. М.: Наука, 2009. С. 298—360.
15. Терра Еурога: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред. Д. А. Цыганкова. М.: Полит. энцикл., 2014. 671 с.

Сведения об авторе

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС, Санкт-Петербург, Россия. viktor-n1962@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2022. No. 1. P. 107–130.

Letters from Berkut (E. N. Kalaidovich) to S. F. Platonov in the Period of 1881—1882: “...the Truth Is the Same for Both of Us...”

V. V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St. Petersburg, Russia.
viktor-n1962@mail.ru

As in previous letters, E. N. Berkut touches on many important topics affecting both her own and the Marquis' interests. The main difference is the abundance of reports about scientific life. It is understandable as her St. Petersburg friend was graduating from university. Interesting characteristics are given to a number of famous professors who taught at Moscow higher women's courses, first of all, to V. I. Guerrier and V. O. Klyuchevsky. E. N. Berkut gave her impressions of V. I. Semevsky's dispute, speeches of official opponents. Moscow heard rumors about a biased attitude towards the disputant of K. N. Bestuzhev-Ryumin, who did not allow the thesis defense in St. Petersburg. Numerous publications about M. S. Korelin, who was a fellow student of V. N. Berkut, as well as the impression of his behavior, assessment of lecturing qualities, pedagogical views in the initial period of his formation as a scientist and teacher are of natural interest. E. N. gave unknown information about a circle society forming around him. The letters significantly supplement lapidary information about V. N. Berkut, his preparation for exams at the university, the collection of materials and the chronology of writing his candidate's thesis, the beginning of professional activity, which was not always successful. The letters provide us with a lot of information about self-education of E. N. Berkut, the scientific interests of her husband, which she fully shared, being interested in serious monographic works. The mentioned family losses were the death of S. F. Platonov's father and V. N. Berkut's sister Lisa. The letters are filled with diverse information about the social life of the empire, fear for its future. The fruitful mutual influence of S. F. Platonov and E. N. Berkut continued.

Keywords: *S. F. Platonov, E. N. Berkut, V. N. Berkut, M. S. Korelin, scientific life, self-education.*

References

1. Shmidt S. O. (ed.), Buhert V. G. (compil.). (2003) *Akademik S. F. Platonov: perepiska s istorikami v 2 t.* [S. F. Platonov: Letters to Historians], vol. 1. Moscow, Nauka. 388 p. (In Russ.).
2. Gavrilov S. V. (2008) Nauchnoe nasledie V. I. Semevskogo v sovetskoj istoriografii. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Gazette], no. 1 (17), pp. 106—119. (In Russ.).
3. (1870) *Grodnerskij sejm 1793 goda. Poslednij sejm Rechi Pospolitoj. Sochinenie D. Ilovajskogo* [City Sejm 1793. The Last Sejm of Rech Pospolitaja D. Ilovajskoy]. Moscow, Katkov i Ko. 303 p. (In Russ.).
4. Ilovajskij D. (1871) *O mnimom prizvanii varyagov. Iz issledovaniya o nachale Rusi.* [About Possible Call for Varyags. The Beginning of Rus]. Moscow. 98 p. (In Russ.).
5. (1858) *Istoriya Ryazanskogo knyazhestva. Sochinenie D. Ilovajskogo* [History of Ryazan principality by D. Ilovajskiy]. Moscow. 337 p. (In Russ.).
6. Korelin M. S. (1880) *Novye memuary o revolyucionnoj epohe XVIII v.* [New memoirs about the revolutionary epoch of the XVIII century]. *Istoricheskij vestnik*, vol. 3, pp. 353—371. (In Russ.).
7. Koh O. B. (2001) *Geroj svoego vremeni (Shtrihi k portretu M. I. Semevskogo)* [The hero of his time (Touches to the portrait of M. I. Semevsky)]. *Stranicy istoricheskogo kraevedeniya*, no. 14, pp. 46—60. (In Russ.).
8. Kritskij Yu. M. (1969) *V. I. Semevskij i Peterburgskij universitet* [V. I. Semevskij and St. Petersburg University]. *Vestnik LGU. Ser. Istoriya — yazyk — literatura*, no. 2, pp. 165—168. (In Russ.).
9. Medvedev I. P. (2011) *Studencheskij referat S. F. Platonova “O mestoprebyvanii gotov-tetraksitov* [Student's abstract S. F. Platonov “On the location of the Goth-tetraxites”]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, iss. 40, pp. 390—408. (In Russ.).
10. Mitrofanov V. V. (2019) *Istoriko-filologicheskij fakultet posle S. M. Solovyeva: professorsko-prepodavatelskij sostav i iskaniya peredovoy molodezhi v pismakh studenta V. N. Berkuta S. F. Platonovu* [Faculty of History and Philology after S. M. Soloviev: the Staff and Searches of the Young in the Letters by the Student V. N. Berkut to S. F. Platonov]. *Otechestvennaya kultura i istoricheskaya mysl XVIII—XX vv.* [Domestic Culture and Historical Thought of the 18th — 20th Centuries: Collection of Articles and Materials]. Vol. 5. Bryansk, IS. Pp. 151—218. (In Russ.).

11. (1891) *Pervoe dvadcatipyatiletie Moskovskoj konservatorii. Istoricheskij ocherk professora konservatorii N. Kashkina* [First 25th Anniversary of Moscow Conservatoire. Historical Work by N. Kashkin]. Moscow, Pechatnya S. P. Yakovleva. 81 p. (In Russ.).
12. Semevskij V. I. (1881) *Krest'yane v carstvovanie imperatricy Ekateriny II.* [Peasants in Catherine the Great Epoch], vol. 1. St. Petersburg, Tip. F. S. Sushchinskogo. 504 p. (In Russ.).
13. Tihonov V. V. (2015) V poiskah moskovskoj shkoly istorikov (Terra Europa: intellektual'noe prostranstvo moskovskih istorikov vtoroj poloviny XIX veka / avtor-sostavitel' D. A. Cygankov. M., 2014) [In search of the Moscow School of Historians (Terra Europa: the Intellectual space of Moscow Historians of the second half of the XIX century / compiled by D. A. Tsygankov. Moscow, 2014)]. *Voprosy istorii*, no. 5, pp. 167—169. (In Russ.).
14. Cygankov D. A. (2009) Pis'ma M. S. Korelina V. I. Ger'e [Letters of M. S. Korelin to V. I. Guerrier]. *Istoriya i istoriki: istoriograficheskij vestnik za 2007* [History and Historians: Historiographical Bulletin for 2007]. Moscow, Nauka. Pp. 298—360. (In Russ.).
15. Cygankov D. A. (ed.). (2014) *Terra Europa: intellektual'noe prostranstvo moskovskih istorikov vtoroj poloviny XIX veka* [Terra Europa: Intellectual Space of Moscow Historians in the 2nd half of the 19th Century]. Moscow, Political encyclopedia. 671 p. (In Russ.).